
БАРСЕЛОНА – Заседание объединенной рабочей группы сообщества: GDPR
Среда, 24 октября 2018 года – 9:45 – 12:00 по CEST
ICANN63 | Барселона, Испания

БРЮС ТОНКИН (BRUCE TONKIN): Хорошо. Давайте начнем, чтобы максимально продуктивно использовать наше время.

Меня зовут Брюс Тонкин, и меня попросили возглавить это заседание объединенной рабочей группы по GDPR. По сути, смысл таких заседаний объединенной рабочей группы сообщества заключается в том, чтобы собраться всем вместе и попытаться понять, как сообщество в целом может сосредоточиться на важных проблемах и решить их. Поэтому на нашем заседании объединенной рабочей группы сообщества присутствуют представители нескольких частей корпорации ICANN. Здесь есть представители GNSO, которая отвечает за политику, относящуюся к доменным именам gTLD.

От палаты сторон, связанных договорными обязательствами, у нас Ник Венбан-Смит из Nominet. Ник не только главный юрисконсульт Nominet, но и директор по защите персональных данных. Nominet занимается как национальными доменами, в этом случае .UK, так и доменами общего пользования (верхнего уровня), такими как .BLOG.

От группы коммерческих заинтересованных сторон присутствует Флип Петийон. Если я не ошибаюсь. Флип

Примечание. Следующий документ представляет собой расшифровку аудиофайла в текстовом виде. Хотя данная расшифровка максимально точная, иногда она может быть неполной или неточной в связи с плохой слышимостью некоторых отрывков и грамматическими исправлениями. Она публикуется как вспомогательный материал к исходному аудиофайлу, но ее не следует рассматривать как аутентичную запись.

работает в бельгийской компании, предоставляющей услуги урегулирования споров, и часто занимается урегулированием споров, касающихся доменных имен.

От группы некоммерческих заинтересованных сторон с нами профессор Милтон Мюллер из Института технологий в Атланте, штат Джорджия.

От Консультативного комитета по безопасности и стабильности присутствует Грег Аарон. Грег — вице-президент iThreat Cyber Group и занимается, скажем так, исследованием угроз и изучением злоупотреблений при использовании доменных имен.

От комитета At-Large у нас Хадия Эль-Миньяви. Хадия — директор Центра предпринимательства DNS в Египте.

От Правительственного консультативного комитета у нас Эшли Хейнеман. Эшли отвечает за интернет-политику в NTIA в США. Перед GAC, мне кажется, стоит непростая задача, рассматривая такие проблемы, как конфиденциальность, им нужно рассматривать, как этот вопрос решают ВСЕ разные правительства, входящие в Правительственный консультативный комитет, и находить глобально применимые решения.

Также с нами представитель заинтересованных сторон-правоохранительных органов, это Крис Льюис-Эванс. Крис работает в Национальном агентстве по борьбе с преступностью Великобритании и занимается управлением интернет-расследованиями.

И со стороны защиты данных с нами Кристина Монти. Кристина работает в отделении Международной передачи и защиты данных в Генеральном директорате по вопросам справедливости, свободы и безопасности Европейской комиссии.

У нас очень сильный состав участников. Все эти участники дискуссионной группы многие годы занимались, я бы сказал, поиском баланса в области защиты персональной информации.

Мне показалось, стоило обрисовать контекст. Наверное, для этого стоит обратиться к RFC-1591, который в 1994 году составил Джон Постел. Вообще, прошло уже 20 лет с момент смерти Джона. Он ушел из жизни 16 октября 1998 года. Странно читать слова, написанные более 20 лет назад, но к ним стоит вернуться и задуматься над ними.

В этом RFC Джон говорил, что менеджеры имен верхнего уровня — это попечители делегированных имен, которые они предоставили, но на них лежит обязанность служить сообществу.

Также он говорил, что озабоченность в отношении прав и собственности на домены неуместна. Напротив, здесь должны использоваться понятия «обязательства» и «служение» сообществу.

Поэтому владельцы зарегистрированных имен, владеющие доменными именами верхнего уровня, на них лежит обязанность соблюдать законы местной юрисдикции.

Некоторые такие владельцы зарегистрированных имен — это физические лица, и зачастую контекст владения зарегистрированными именами — это контекст физических лиц.

Кроме того, нельзя забывать тот факт, что персональные данные этих физических лиц защищены различными законами о защите конфиденциальной информации по всему миру.

Если посмотреть, какое место в этом занимает ICANN, из миссии ICANN мы видим, что это узкая миссия, а именно координирование присвоения имен в корневой зоне — я тут затрагиваю только тот аспект миссии, который относится к теме. Но это присвоение имен в корневой зоне DNS, другими словами, кто получает право управлять этими именами верхнего уровня. И она координирует разработку и реализацию политики регистрации доменных имен в gTLD.

Но есть предельно четкая оговорка, что ICANN не должна регулировать деятельность служб, использующих идентификаторы интернета, или контент, который такие службы передают или предоставляют. Потому ICANN этим не занимается.

Соответственно, этим занимается кто-то другой, обычно правоохранительные органы и другие государственные органы, которые принимают меры, и перед которыми владельцы имен несут ответственность за использование имен вразрез с законодательством.

В свою очередь, эти органы часто полагаются на такие организации частного сектора, как организации, обеспечивающие кибербезопасность, которые собирают данные о происшествиях для дальнейшего проведения надлежащего расследования.

Интересно также вспомнить причины возникновения WHOIS, которая, мне кажется, объединила всех нас и заставила обсуждать, как нам все-таки следует рассматривать информацию следующего поколения, которую мы предоставляем в регистратуре. Я обратился к RFC, к первоначальному RFC WHOIS от 1982 года.

Это, на самом деле, была служба каталогов для лиц, в то время использовавших ARPANET. Там требовалось их имя, адрес, номер телефона и адрес почты, электронной почты. Забавно, тогда ее даже не называли электронной почтой. Ее называли «сетевым почтовым ящиком».

По мере своего развития эта служба превратилась в источник контактной информации для администраторов и технических специалистов от доменных имен нескольких хорошо известных крупных институтов. В той ситуации было совершенно понятно, кто был подотчетен правовым структурам. Вот только было сложно найти необходимого человека среди сотен сотрудников этих организаций.

Сейчас мы живем в совсем другом мире. У нас сотни миллионов зарегистрированных доменных имен. И теперь их регистрируют не крупные институты, а зачастую отдельные

лица, многие из которых выступают как частные предприниматели. Но по-прежнему остается необходимость в установлении правовой идентичности для обеспечения ответственности за использование имени. И нам по-прежнему нужна возможность связи с владельцем зарегистрированного имени для решения проблем.

Об одном часто забывают: часто владелец зарегистрированного имени выступает как жертва, а не инициатор неправомерных действий при использовании доменного имени. Часто сайты взламывают. Взламывают электронную почту. И при расследовании проблемы зачастую владельцу зарегистрированного имени вообще ничего об этом неизвестно, и именно ему нужна помощь. Так что вовсе не обязательно, что источником проблемы, связанной с использованием имени, будет владелец зарегистрированного имени.

Думаю, стоит подумать о похожих открытых регистратурах, есть несколько довольно похожих...у них похожие свойства с интернет-регистратурами доменных имен.

Во-первых, это регистратуры информации о компаниях. То есть во многих странах есть законы, требующие от лиц, ведущих коммерческую деятельность, регистрироваться как коммерческая организация и регистрировать компанию; и информация, собираемая в рамках этой процедуры, часто является персональной, например имена, адреса, телефоны физических лиц, которые...физических лиц, являющихся директорами компании.

Другой пример — регистратуры учета автомобилей. В этом случае регистратура хранит информацию об автомобиле, как то: его цвет, марка, модель, но также и персональные данные владельца автомобиля, это может быть название компании, которой принадлежит автомобиль, а может быть и частное лицо, физическое лицо.

И я считаю, что регистрация автомобиля аналогична процедуре ICANN, в том смысле, что если представить орган, регистрирующий автомобиль, управляющий идентификаторами, уникальными идентификаторами, привинченными к бамперу автомобиля, то иногда можно...иногда они бывают персональными. То есть некоторые люди в определенных странах выбирают персональные номерные знаки. Но если кому-то нужно, чтобы с ними могли связаться, они обычно пишут об этом на самом автомобиле, если это какая-то компания. Обычно физические лица не указывают свое имя и фамилию на кузове автомобиля.

И тут, если посмотреть, кто несет ответственность за то, что происходит с автомобилем, то, в целом, у вас есть лицензия на пользование автомобилем, вы можете поехать на нем, куда захотите. По сути, вы можете все что угодно, что хотите делать в этом автомобиле. Можете в него поместить любые товары. Можете в него поместить любых пассажиров. Но органы, отвечающие за выдачу номерных знаков, это вообще не волнует. Все, что их волнует,— это возможность идентификации человека, владеющего автомобилем.

И это другие органы регулирования, то есть, если вы припарковали автомобиль на стоянке и кто-то его увидел, и по ходу он набит наркотиками, то тогда расследованием займется полиция, и они обратятся в регистрирующий орган за информацией по этому автомобилю.

Если вы участник ДТП, первое...ну, допустим, кто-то врезается в ваш автомобиль, а потом уезжает...единственное, что вам реально известно об этом человеке,— это номер автомобиля. По этому номеру вы можете...в некоторых странах это публичная услуга, я точно знаю, что так дело обстоит в Австралии и Великобритании, вы можете ввести номерной знак и получите информацию из регистратуры, сведения об автомобиле. Вы можете узнать марку автомобиля, модель, цвет, но не имя владельца.

Но это поможет вам удостовериться, что вы подозреваете правильный автомобиль, ведь вы, допустим, можете плохо запомнить номер и не помнить последние цифры. Вы можете проверить, чтобы убедиться, что подозреваете тот самый автомобиль, будучи гражданским лицом.

Когда вы убедитесь, что это тот самый автомобиль, вы можете передать эти данные в правоохранительные органы и сказать, что этот человек в вас въехал, а потом скрылся. И тогда уже правоохранительные органы могут получить информацию о физическом лице, являющемся потенциальным владельцем автомобиля.

Так что тут большие сходства с нашей ситуацией, то есть ICANN все равно, что за содержание на сайте. ICANN все равно, что в письмах, которые вы отправляете. Этим пусть другие занимаются. Единственное, что нас волнует, — это возможность сбора информации о сторонах, владеющих доменным именем, возможность связи с ними, а уже принятие юридических мер с учетом пользования этими доменными именами — этим пусть занимаются другие.

Есть сходства и с телефонными регистратурами, с той точки зрения, что они часто хранят имена и адреса физических лиц, и в большинстве стран физические лица могут отказаться от хранения своего имени и адреса в открытом доступе.

У регистратур национальных доменных имен также...сценарий похож на gTLD. Однако разница состоит в том, что управление ими происходит в пределах всего одной юрисдикции. Большинство регистратур национальных имен в Европе, естественно, модернизировали порядок работы своих служб каталогов с учетом GDPR. Так что мы можем опереться на их опыт и посмотреть, что именно они сделали. Но нам по-прежнему нужно найти решение, которое будет применимо глобально, а не на уровне одной страны.

Если рассматривать Nominet как пример, просто, как они это решили, то они отображают, можно сказать, минимальную информацию в своей открытой WHOIS. Они предусмотрели аутентификацию доступа для правоохранительных органов в Великобритании, но не за ее пределами, для того, чтобы у них был автоматический доступ к регистратуре.

Также на их сайте есть форма, которую правомочный пользователь может заполнить для получения доступа к информации, и ему придется указать цель, с которой он обращается за этой информацией. И Nominet оценивает каждый случай индивидуально. Учитывая, кто именно запрашивает информацию и с какой целью, они выносят решение о правомочности такого запроса. И потом они предоставляют эту информацию стороне, которая ее запрашивает.

То есть они разработали решение, которое, по их мнению, соответствует законам в Великобритании и Европе, если говорить более широко.

Также региональные интернет-регистратуры, по большей мере региональные интернет-регистратуры, владеют информацией об организации, часто телекоммуникационной компании или интернет-провайдере, а иногда крупных организациях, у которых есть диапазоны IP – адресов. То есть большая часть данных о физических лицах касается контактных лиц в этих организациях.

Но опять же, допустим, RIPE, которая находится в Европе, нуждается в таком решении, которое будет соответствовать GDPR.

Так что там много, говоря языком IETF, много рабочего кода. Это системы, функционирующие на сегодняшний день, отвечающие законам стран, в которых они работают, и

обязанные учитывать требования законов о защите конфиденциальной информации.

Если взглянуть на эволюцию законов о защите конфиденциальной информации, во многих странах сейчас есть законы, защищающие персональные данные. И на самом деле их обновляли в преддверии появления масштабируемых и доступных информационных систем. Раньше, если вам требовалась информация о компании, вам бы пришлось физически пойти в офис компании и, наверное, изучать микрофиш. И, скорее всего, у вас бы ушло несколько часов на то, чтобы просто найти одну запись. А сейчас вы можете получить доступ к записи прямо отсюда. Я нахожусь в Барселоне. Я могу получить доступ к регистратуре компаний Великобритании. То есть они стали намного доступнее, чем были.

И также объем информации, который они содержат, намного больше, чем если оглянуться на пару сотен лет назад, все рождения, смерти, браки, вся эта информация обычно хранилась в каждой церкви. То есть не централизованно. Вам бы пришлось отправиться в ту церковь, где человек родился или умер, ведь запись была именно там. А сейчас эти записи хранятся более централизованно, да и количество достигает миллионов.

То есть глобальная тенденция состояла в постоянном совершенствовании законов о защите конфиденциальной информации. А в Европе, я обратил внимание, что в 50-е годы, наверное, после Второй Мировой, были опасения, и много

злоупотреблений информацией, идентифицирующей личность, скажем так, происходило во время войны. Так что эти понятия постепенно начинали рассматривать как базовые права человека.

Потом, в 80-е годы, в Европе выпустили конвенцию по защите автоматической обработки данных. Тогда, в 80-е годы, я считаю, как раз случился расцвет крупномасштабных вычислений.

К 90-м появилась директива по защите данных. Но в разных странах ее положения реализовали по-своему. И сложность для компаний состояла в том, что им пришлось бы рассматривать, как именно закон применялся в каждой отдельной европейской стране. То есть это было связано со значительными издержками.

Поэтому Общие положения о защите данных от 2016 года были нацелены на предоставление единообразного подхода во всех странах, чтобы компания могла окончательно обеспечить соблюдение, и это было бы применимо ко всем странам Европы.

То есть, по сути, это стандартизация закона о защите конфиденциальной информации. Это не было чем-то совершенно новым. Иногда я слышу, как кто-то говорит: «О боже, в 2016 году вдруг появился этот закон о защите конфиденциальной информации». Ну, вообще-то, законы о защите конфиденциальной информации существовали в Европе с 80-х, но GDPR стали стандартизированным законом.

То есть сложность для ICANN в том, что нам нужно...опять же, это касается большей части законов о защите конфиденциальной информации...четкое определение цели, зачем...цели сбора данных. Думаю, тут важно различать цель сбора данных для открытой регистратуры, как мы видели в 1591 Джона Постела,— это, по сути, служение сообществу — и цель сбора данных для коммерческих целей, допустим, регистратора. Регистраторы предлагают множество услуг. Они предлагают веб-хостинг, веб-дизайн, маркетинговые услуги. Они собирают разнообразную информацию для собственного использования с коммерческой целью.

Но в ICANN нас беспокоит сбор такой информации, которая войдет в открытую регистратуру, то есть по существу станет частью записей в открытом доступе.

Нам необходимо решить, какие сведения будут собираться. Нам необходимо решить, какие поля будут общедоступными, когда не требуется аутентификации, то есть, другими словами, когда нам неизвестно, кто получает доступ к этой информации. Какие поля должны быть доступны только для правомочных пользователей в целях, разрешаемых законом? Как этих законных или правомочных пользователей будут аутентифицировать? И нам предстоит найти решение, которое будет работать во всем мире.

У нас есть данные о физических лицах, находящихся, собственно говоря, во всех странах мира. И есть пользователи, которые часто находятся не в тех странах, где хранятся данные.

И есть разные законы, распространяющиеся как на людей, на физических лиц, так и на организации, которые хранят данные. И это...это намного сложнее, чем разработать решение для конкретной страны или даже конкретного региона стран.

Полезно будет вспомнить принципы защиты конфиденциальности, изложенные в GDPR. Опять же, эти принципы соблюдены во многих структурах обеспечения конфиденциальности, кроме концепции прозрачности, что пользователю должны сообщать, зачем собираются эти данные, как их будут хранить, как их будут обрабатывать, как их будут предоставлять третьим сторонам.

Концепция целенаправленного ограничения. Вы можете собирать данные только для законных и конкретных целей.

Минимизация объема данных сугубо до необходимого количества. То есть, если ваш...и тут как раз начинаются дискуссии. Сейчас регистратор, регистратор, который собирает информацию, чтобы работала его почтовая служба, по факту не нуждается в реальной почте. Потому что он никогда не доставляет письма по физической почте. Он доставляет их в электронном формате. И если спросить регистратора, который не предъявляет больше никаких требований, установленных ICANN, они просто ответят, что нам всего лишь нужна информация о кредитной карте. Нам этого хватит. Но при предоставлении открытого доступа вам может потребоваться сбор и другой информации, и тут само сообщество должно решать, какую информацию нужно собирать.

Точность: данные должны быть актуальными. В GNSO есть стандарт, где сказано, что каждый год регистратор обязан напоминать владельцу домена или зарегистрированной электронной почты о данных, которые хранятся в открытой регистратуре, во WHOIS, и у клиента есть возможность обновить эти данные. Это попытка обеспечить актуальность данных. И также, естественно, регистраторы предоставляют клиентам возможность в любое время обратиться к ним и обновить данные. Поэтому, я считаю, если говорить о точности, мы отвечаем требованиям GDPR, потому что даем людям возможность обновлять свои данные.

Ограничения по хранению: если обычно в ситуации обслуживания клиентов можно сказать, что как только клиент перестает оплачивать кредитной картой, вы больше не должны хранить его данные, потому что он перестает быть вашим клиентом. Но в открытой регистратуре обычно увеличенные сроки хранения, так как тут речь о некоторых правовых моментах, это может быть вопрос налогообложения, в большинстве компаний...стран требуют хранить определенную информацию несколько лет для обеспечения обложения налогами, например. То есть ограничения по хранению определяют, что нам нужно как сообществу ICANN, как долго следует хранить информацию. Возможно, и в процессе регистрации, и потом по истечении ее срока, какую информацию необходимо сохранять.

Целостность и конфиденциальность, то есть, по сути, безопасность, то, что данные должны быть защищены.

Я думаю, это одна из наиболее часто поднимаемых тем в таких дискуссионных группах,— люди перечисляют требования, как они их видят, а по-моему их уже столько раз перечисляли. Поэтому, вместо того, чтобы, скажем так, каждый участник дискуссии по-новой их называл, я сейчас вкратце перечислил самые основные. Конечно, на этой неделе я часто слышу предположение, что нам нужно притормозить процесс разработки политики. Понимаете, есть соблазн решить, что тут все продвигается слишком медленно, и перебросить ресурсы куда-то еще, сосредоточиться на чем-то другом. Но раз уж ICANN должна сделать эту работу, мы должны обязательно выделять ресурсы и оказывать поддержку, помогая людям, занимающимся этим процессом разработки политики. Так что я буду исходить из предположения о том, что этот процесс увенчается успехом и они создадут политику.

Любое полученное в результате решение должно соответствовать законам о защите конфиденциальной информации. GDPR, вообще-то, только один из них. Есть и другие.

Любое решение должно давать правоохранительным органам и государственным исполнительным органам возможность ведения расследований и несения владельцами доменных имен ответственности за использование доменного имени.

Любое решение должно обеспечивать защиту людей, подвергающихся рискам. И я часто слышу истории, допустим, люди разводятся, и при этом было некое насилие, и та сторона,

которая...которой пришлось переехать в другое место, хочет сохранить в тайне свое местоположение, по сути, чтобы защитить себя от насилия. И нам нужно подумать и о таких сценариях, что эти данные реально могут навредить, если попадут в руки не к тому человеку.

RDAP, мы о нем много слышим. Итак, по-моему, тут не о чем особо думать. По факту, техническое сообщество считает, что RDAP достаточно для достижения тех целей, про которые говорилось в большинстве обсуждений. Но RDAP — это лишь язык. Это всего лишь способ обмена информацией. RDAP это не решение. Это всего лишь язык, который мы выбрали для обмена информацией. Но у него есть ряд эффективных функций. Одна из таких эффективных функций — он поддерживает концепцию распределенного, а не централизованного хранения информации. Также он предусматривает стандартные потоки информации, что позволяет решить ряд проблем, присущих старой, скажем так, сокращенной модели WHOIS, реализованной очень и очень по-разному.

Он очень похож на EPP, стандартный протокол, разработанный для обеспечения связи между регистратурами и регистраторами. Но это не замена политики. Должна быть именно политика, тогда RDAP может обеспечить реализацию этой политики.

Другое предположение состоит в том, что регистратуры и регистраторы несут ответственность за данные, которые они хранят. Они собирают информацию с разными целями, не все

из которых касаются доменного имени, и они несут ответственность за то, как она обрабатывается и как предоставляется третьим лицам. То есть у них также есть ответственность.

И я считаю, что первым вопросом для нашей дискуссионной группы станет, если, скажем так, учитывать контекст, учитывать другие открытые регистратуры, то, как проблемы защиты персональных данных решались в этих регистратурах, как концепция предоставления правомочным пользователям доступа к информации, недоступной для широкой публики, какие нужны механизмы защиты, ну и тому подобное, учитывая тот факт, что законы о защите конфиденциальной информации по всему миру совершенствуются, я считаю, наша задача в том, чтобы вовремя выработать решение. И вопрос к дискуссионной группе, на самом деле, первый вопрос такой: какие вы видите препятствия в ICANN, после недельных обсуждений этой темы, какие барьеры вы видите, или препятствия, для нахождения решения, и как, вы считаете, вы могли бы преодолеть эти препятствия? Что каждый из вас может сделать? У нас полный зал участников. В этом зале сотни людей. Как вы можете помочь...помочь группам по разработке политики, помочь тем, кто входит в различные группы заинтересованных сторон, найти успешное решение?

Итак, я предоставляю слово участникам дискуссионной группы, и предлагаю им высказаться, как можно найти оптимальное решение и преодолеть любые препятствия. Эшли, прошу вас.

ЭШЛИ ХАЙНЕМАН (ASHLEY HEINEMAN): Я сразу перейду к делу. Да, я сначала выскажусь в общих чертах, не буду вдаваться в подробности, мне кажется, мы обсуждаем очень много подробностей. Я считаю, что множество препятствий, по крайней мере, с которыми я сталкивалась, скажем, за последний год, — это что люди приходят на обсуждения с предубеждениями насчет мнения другой стороны, того, что она делает и чем руководствуется при этом. И еще я поняла за это время, что стоит лишь действительно сесть с конкретными людьми, особенно с теми, кто представляет разные точки зрения и интересы, стоит только действительно начать обсуждать с ними проблему, и оказывается, что на самом деле наши мнения не настолько различаются, как мы думали. Но я считаю, что нам нужно больше возможностей действительно говорить друг с другом, быть конструктивными и вместе работать над достижением общей цели, избегая ситуаций, в которых мы так часто оказываемся, когда высказываем свою позицию. Мы при этом не занимаемся поиском компромисса. Я верю в то, что мы можем это преодолеть. Я видела, как люди это преодолевают. Но я считаю, что это настолько укоренившаяся проблема, тут такой багаж за плечами, что тяжело оставить его за дверью и просто начать конструктивное сотрудничество. Спасибо.

БРЮС ТОНКИН: Да. Я полагаю, что здесь сложность в том, что люди ставят под вопрос мотивы и говорят, допустим, вы оказались в таком

положении, потому что у вас вот такое конкретное мнение, а в реальности у большинства людей мнения довольно-таки разумные и сбалансированные, если послушать, о чем они говорят в личных разговорах, но иногда они приходят на такие публичные форумы и озвучивают лишь одну, экстремальную, часть своего мнения. Может быть, один из вариантов с этим работать — это просто задавать много вопросов. Вместо того, чтобы без предисловий вступать в разговор с кем-то из другой группы заинтересованных сторон, вместо того, чтобы просто говорить, что мое мнение такое, и я прав. Вместо этого стоит задать им побольше вопросов о том, почему они так думают, и тогда, возможно, получится найти некое взаимопонимание. Но да, определенно, я считаю, что более качественное ведение обсуждений и, быть может, школы, где людей научат задавать вопросы, а не просто высказывать свои позиции, — это было бы полезным. Милтон.

МИЛТОН МЮЛЛЕР (MILTON MUELLER): Я думаю, основное препятствие, для меня это крайне очевидная вещь, как для члена EPDP, что некоторые части сообщества слишком надеются на то, что мы как-то воссоздадим старую WHOIS или как-то получим такой же простой и свободный доступ к данным, как был раньше. И, естественно, за 20 лет существования WHOIS сильный интерес к равенству при доступе к этим данным все возрастал. Целые направления бизнеса были построены на этом. И зачастую в EPDP происходит вот что: мы начинаем спор о доступе и все становится второстепенным, кроме этой

заинтересованности в доступе, даже если мы вообще-то должны обсуждать что-то другое.

И я думаю, что препятствие, которые мы можем преодолеть, если просто сосредоточимся для начала на первом шаге, а именно на окончательном оформлении временной спецификации и понимании, что конкретно мы будем собирать, с какими целями, какие элементы данных нужны и когда их необходимо передавать, и нам необходимо как-то это согласовать, отложив вопрос доступа на будущее, чего, по факту, от нас и требует наш устав.

Если мы не будем путать цели сбора данных регистратурами и регистраторами ICANN с правомочным интересом третьих сторон к доступу к этим данным, а вместо этого сосредоточимся на решении первой задачи, на том, чтобы ответить на уточняющие вопросы в уставе, а уже потом перейдем к доступу, я думаю, мы гораздо быстрее добьемся прогресса. Но если каждый раз обсуждение целей и сбора данных будет превращаться в попытку захвата права доступа, а мы пока эту проблему решить не можем, то мы будем очень долго биться над этой работой.

БРЮС ТОНКИН:

Так что это быстрый вопрос к залу. Итак, Милтон, вы сказали, что есть опасение, что люди считают, что мы на самом деле должны просто вернуться в прежний мир и вернуть старую WHOIS. Сколько человек в зале считает это жизнеспособным решением, такой возврат прежней WHOIS? Один человек. Что

ж, мне кажется, мы развенчали этот миф. Никому это не кажется подходящим решением. Итак, идем дальше. И я считаю, что вы, Милтон, правы, что если...если подумать об этом, если обратиться к принципам любого закона о защите конфиденциальной информации, то дело именно в том, с какой целью вы собираете информацию, какую информацию вы должны собирать для выполнения этой цели. Совершенно верно, именно это должно быть отправной точкой. Да. Флип.

ФЛИП ПЕТИЙОН (FLIP PETILLION): Спасибо, Брюс. Вообще, я хотел бы напомнить всем, что в понедельник утром сказал Шерин Шалаби. Он сказал, что нам нужно найти баланс между коллективными потребностями и индивидуальными желаниями. Я думаю, это очень точная формулировка. Именно для этого и составлены GDPR. Я думаю, мы, все мы, должны себе напомнить, должны помнить, что такое GDPR. Почему они появились. В чем их смысл. И, откровенно говоря, когда обсуждался проект GDPR, никто даже не мог подумать о том, с чем нам сегодня придется работать. Все, по сути, думали о защите людей от рекламы и спама и так далее. Но не о той проблеме, которой мы занимаемся сегодня.

Сейчас нужно, чтобы все участники обсуждения по-настоящему задумались, понимаю ли я, каковы реальные цели всего этого, чем я хочу уравновесить интересы, не права, а интересы остальных. Не думаю, пусть кто-то и пытается выставить это именно так, что здесь есть выбор между лучшим и (неразборчиво). Сейчас баланса нет. И дисбаланс явно

причиняет дискомфорт довольно большому количеству людей в сообществе. Мы снова должны обеспечить баланс и равновесие. Если мы это поймем, то обсуждения станут намного продуктивнее. Вот в чем дело. В балансе.

БРЮС ТОНКИН: То есть вы считаете, что принятие...что сообщество должно признать тот факт, что нужен баланс. Это так?

ФЛИП ПЕТИЙОН: Именно так. Вся модель ICANN основана на консенсусе, Брюс. Дело в доверии. Мы ходим обеспечить среду доверия для всех. И доверие лежит в основе консенсуса. А консенсус лежит в основе баланса. Баланса интересов.

БРЮС ТОНКИН: Хорошо. Предлагаю поднимать руки. Кто считает, что нам следует сосредоточиться в рамках своей работы сообщества над достижением баланса между возможностью защищать информацию и возможностью предоставлять информацию? Похоже, явное большинство. Это хорошо. Итак, как я понимаю, мы говорим, что WHOIS, какой она была, к ней не может быть возврата, но мы говорим и о том, что нужно идти вперед, нужно найти баланс. В зале наблюдается активная поддержка этого, по-моему. Думаю, это одно из предположений, которые у нас есть, что мы все должны, что мы должны найти баланс между этими интересами.

Как, по вашему мнению, мы можем найти баланс? А вот это уже...это уже...это сложная часть.

ФЛИП ПЕТИЙОН:

Прилагая искренние усилия и думая не только о том, что применимо в GDPR, но и за их пределами. Например, правоприменение, защита потребителей, очень важная тема, защита детей. Это все применимые законы. Не только в Европе. Не забывайте, в Европе у нас есть директива об электронной коммерции, в которой, вообще-то, есть обязательное к соблюдению положение о предоставлении контактной информации владельца сайта. На первый взгляд, это диаметрально противоположно тому, что в GDPR, но это не так. Это не так, потому что каждый без исключения закон в Европе, будь то норматив или директива, обязательно предусматривает, что реализация и применение норматива или директивы не должны нарушать баланс. Баланс с другими элементами регулятивной концепции, которая там применима. Так что нам нужно видеть целую... глобальную картину.

БРЮС ТОНКИН:

Да, я думаю, что даже в обсуждении политики вы можете ссылаться на специфику некоторых других подобных законов, ведь, опять же, они — это всего лишь примеры того, как был достигнут баланс. И, как я говорил, приводя в качестве примера регистратуры, в них есть свой баланс. Они нашли свой баланс между предоставлением достаточного объема информации в открытый доступ, чтобы люди понимали, скажем

так, кто отвечает за конкретную запись, но при этом предусмотрели возможность получения более подробной информации тогда, когда это необходимо. Хадия.

ХАДИЯ ЭЛЬ-МИНЬЯВИ (HADIA ELMINIAWI): Хадия Эль-Миньяви, для протокола. Итак, я считаю, что сложности... я бы хотела обсудить сложности с практической точки зрения, так как уже сейчас всем понятно, что регистрационные данные перестали быть открытыми. Это закрытая регистратура данных с ограниченным доступом, которые будут доступны... для раскрытия, на основании правомерных интересов третьих сторон. Поэтому мне бы хотелось... говоря о балансе, про который вы сказали, нам нужно признать, разумеется, что... что баланс и сейчас, и в будущем будет необходим. Но также нам нужно знать, что обеспечение этого баланса ляжет не именно на наши плечи, когда дело дойдет до раскрытия информации, когда дойдет до реализации. И тогда, если отложить этот вопрос в сторону, и...

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОКЛАДЧИК: WHOIS?

БРЮС ТОНКИН: Мы не будем заниматься обеспечением баланса? То есть вы говорите, что не думаете, что мы будем обеспечивать баланс?

ХАДИЯ ЭЛЬ-МИНЬЯВИ: Нет, мы признаем, что необходим баланс и нужно уравновесить потребности третьих сторон или... людей с правомерными интересами и права владельцев доменов. Но когда доходит до реализации и раскрытия информации, не мы конкретно должны... мы не будем обеспечивать этот баланс в каждой ситуации, или мы не... не мы будем обеспечивать практическое применение или обеспечивать этот баланс прямо сейчас.

То есть, в некоторых случаях, понимаете... мы признаем этот принцип, мы признаем факты, но на практике... с практической точки зрения, когда доходит до реализации и раскрытия информации, не мы должны будем решать в такой ситуации, удалось обеспечить баланс или нет. Важно иметь это ввиду, я считаю.

Также я бы хотела рассмотреть проблемы с другой практической точки зрения. Какую бы работу мы ни проводили и какие бы политики ни составляли, они должны быть практичными, реализуемыми, разумеется, они должны соответствовать GDPR, но в дополнение к этому быть практичными и реализуемыми, что тоже очень важно... создавать политику, которую никто не сможет реализовать и она будет практически не реализуема. Это проблема. По моему мнению, чтобы ее решить, необходимо установить некоторые требования. Например, стандартизованный отраслевой процесс. Он требуется для сети регистратур, регистраторов и владельцев доменов, служб аккредитации, и как нам это сделать.

И кто это сделает? Еще одна проблема, связанная с... принятие на себя рисков возникновения ответственности сторонами, связанными договорными обязательствами. Важно... то есть, если у вас есть политика, которая этого не учитывает, то никто не станет реализовать вашу политику на практике, ведь так?

Так что, я считаю, таковы сложности, которые нам нужно преодолеть сейчас, а не потом, то есть параллельно с тем, что мы сейчас делаем, с работой в отношении политики, которую мы ведем. И, надеюсь, мы достигнем консенсуса, который устроит нас всех.

А потом встанет вопрос, как это все реализовать? И я думаю, что нужно рассматривать это сейчас, а не потом, и это самая большая проблема, как я считаю.

БРЮС ТОНКИН:

Да. Вы сейчас говорите в контексте поиска своевременного решения о политике, верно. И Милтон отмечает, что нужно, чтобы достаточная часть сообщества сосредоточилась на формировании правильной политики. Но, чтобы найти оптимальное решение, нужно думать и о реализации, чтобы нам не пришлось внезапно задумываться о ней, когда политика уже составлена. Мы должны думать об этом параллельно. Я согласен.

Ник.

НИК ВЕНБАН-СМИТ: Спасибо. Ник Венбан-Смит. Здесь я представляю стороны, связанные договорными обязательствами. И я рад, что кто-то действительно упомянул о рисках для сторон, связанных договорными обязательствами.

И, когда я думаю над этим вопросом, я ставлю слово «своевременное» в кавычки. Потому что уже октябрь 2018 года. А закон вступил в силу в мае 2018-го. То есть своевременным решение было бы месяцев 12 назад.

Но я считаю, если смотреть шире, хотя она была крайне запоздалой и поспешной, если говорить о том, что нам нужно было сделать, все же стороны, связанные договорными обязательствами, в общем и целом довольны временной спецификацией. Так что, чем быстрее мы преодолеем процесс EPDP и примем ее, тем лучше. И затем мы сможем поговорить о доступе.

Но, собственно говоря, мы все уже должны были реализовать собственные политики доступа к этому времени. Потому что уже с 25 мая мы должны были соблюдать законодательство. А это касается и доступа.

Так что одной из интересных задач, которые поставили GDPR, стали принципы. Нам нужно найти баланс между принципами правомерных интересов и правами на конфиденциальность субъектов данных, всех людей, с которыми мы работаем. А это совсем не просто. Нам пришлось, нужда заставила, в отсутствие какой-то глобальной официальной политики сделать все самим. Так что получилось такое вот лоскутное

одеяло, к сожалению, из разных политик раскрытия информации.

Я знаю, что то, как мы это делаем в Великобритании, законно, так как мы получаем сотни запросов на доступ. И, вообще-то, мне поступали жалобы. А чтобы понять, что вы соблюдаете требования закона о защите данных, нужно взглянуть в зеркало заднего вида. Если кого-то не устраивает, что вы делаете, они жалуются в ваш орган по защите данных. И они вам пишут, как директор по защите персональных данных, работающий с вашей организацией, и говорят: «Нам поступила жалоба».

И мне поступила жалоба о раскрытии данных органу обеспечения соблюдения прав на интеллектуальную собственность. Эту жалобу отклонили. Так что я понимаю, что мой процесс раскрытия данных в целом жизнеспособен, по крайней мере, может выдерживать сложности, которые нам создают субъекты защиты данных, которые вполне правомочно реализуют свое право направлять жалобы, когда их не устраивает то, как используются данные.

И сейчас мы начали формировать экспертный орган для обработки фактического опыта работы после реализации GDPR. Я думаю, нам следует встроить их в решения по мере движения вперед. Так как мы прекрасно понимаем, что нам поступают запросы, которые мы не можем выполнять. Нам поступило... за последние три месяца нам поступило примерно 750 запросов. Мы подтвердили правомочность 96,5%. Но некоторые люди просто не указывают никаких причин.

Понятно, что такой запрос не отвечает требованиям, но это также следует включить в такие системы.

БРЮС ТОНКИН:

То есть вы говорите, что... как уже говорила Хадия... что есть решения, которые нужно принимать локально с учетом доступных фактов, касающиеся предоставления доступа к конкретным данным. Но также есть необходимость в механизмах подачи жалоб обеими сторонами, я так понимаю, чтобы у стороны, запрашивающей данные, был способ оформить жалобу, если услугу ей не оказывают. И субъект данных, допустим, должен выполнять требования в отношении этой информации, которую будут предоставлять или не будут предоставлять.

НИК ВЕНБАН-СМИТ:

Механизм уже изложен в законодательстве. Он уже есть.

БРЮС ТОНКИН:

Это замечательно. Отлично. Грег.

ГРЕГ ААРОН (GREG AARON): Спасибо, Брюс.

Часть бесед, проходящих на этой неделе, касается обязанностей, которые ложатся на каждого в соответствии с GDPR. И это хорошо.

Тут в какой-то мере снова речь про подотчетность. Но также речь заходит и об управлении риском. У каждого есть такая обязанность. И, разумеется, иногда возникают штрафные санкции за несоблюдение таких обязанностей.

Конечно, проблема управления риском в том, что иногда это превращается в обсуждение цены.

Что я должен делать, чтобы обеспечить надлежащую защиту данных? Каким рискам я подвергнусь, если я, допустим, предоставлю некоторые данные кому-то другому?

И такое обсуждение цены, мне кажется, мотивирует определенную часть обсуждений.

Одна из проблем в том, что все оценивают риск и что говорит закон. И даются очень разные оценки. Мы даже наблюдаем это среди европейских ccTLD, RIR и так далее: они принимают разные решения на основе рекомендаций, которые получают, и своей готовности брать на себя риск.

И мы постепенно начинаем обсуждать и оценивать масштаб такой непредсказуемости. Потому что, по сути, нам нужна система, в которой будет некая определенность и уверенность, что данные обрабатываются надлежащим образом всеми участниками процесса — и теми, кто собирает данные, и теми, кто может их получать и использовать.

И именно тут как раз нам нужно найти баланс. Потому что, по сути, говоря про специалистов по кибербезопасности, нам важно использовать эти данные. Нам нужно защищать людей.

А закон говорит, что нам нужно... скажем так, что мы можем получить к ним доступ, если все сделаем правильно.

Так что нам нужно найти надлежащий баланс. Но нам нужно выйти на тот уровень, когда мы сможем найти способ это сделать.

БРЮС ТОНКИН: Позвольте мне передать слово еще одному участнику. Крис.

КРИС ЛЬЮИС-ЭВАНС (CHRIS LEWIS-EVANS): Спасибо. Во-первых, я бы хотел отметить успехи, которых мы уже добились в этой группе. По-моему, ваш первый вопрос аудитории был действительно хорошим. Потому что я считаю, что если бы тот же вопрос вы задали на ICANN61, допустим, я считаю, что аудитория дала бы совсем другой ответ.

Я думаю, что изменение отношения к тому, что нужно сделать, связано с пониманием различных требований, предъявляемых ко всем частям сообщества в ICANN.

Как с точки зрения защиты данных, так и с точки зрения сторон, уполномоченных получать доступ при наличии правомочных целей и правовых оснований. И, на самом деле, это понимание пришло благодаря пониманию требований людей, а не их решений.

Я думаю, что в EPDP, где достигнут наибольший прогресс, именно в нем мы обсудили требования всех сторон, а не те

решения, которые они могли бы предложить для выполнения своих требований.

И я думаю, что это и есть лучший способ добиться хорошего понимания реальных потребностей каждой стороны, а потом уже найти способ это сбалансировать, о котором, конечно, мы уже говорили. И дело тут именно в том, чтобы понять эти требования, и тогда мы сможем принять взвешенное решение.

БРЮС ТОНКИН:

Собственно, именно об этой цели Милтон и говорит. С какой целью вы собираете данные? И какие, собственно, данные вам нужны для достижения этой цели?

КРИС ЛЬЮИС-ЭВАНС:

Именно так. И я думаю, чтобы найти своевременное решение, я думаю, нам нужно сосредоточиться именно на этих требованиях, а потом уже найти баланс между ними и пониманием потребностей каждой стороны.

БРЮС ТОНКИН:

Это интересно. Если посмотреть на ИТ-проекты... а люди проводят анализ ИТ-проектов... то причина номер один, почему ИТ-проект оказался провальным, — это потому, что они не уделили достаточно времени правильному определению требований. Думаю, это общая тема, о которой мы постоянно слышим, что нам нужно их правильно определить. Кристина.

КРИСТИНА МОНТИ (CRISTINA MONTI): Спасибо. Кристина Монти, Европейская комиссия. Хотелось бы поддержать некоторые замечания, которые уже озвучили.

Если взглянуть на способы продвижения вперед и на препятствия, я считаю, что также необходимо признать, что все эти проблемы возникли уже достаточно давно.

Вероятно, одним из достижений GDPR стало как раз то, что все мы обратили внимание на эту проблему и теперь должны за короткий срок найти ее решение.

Итак, я думаю, случилось многое. Мы увидели в зале, что сегодня никто не сомневается в важности конфиденциальности. Данные... все согласны, что данные... персональные данные — это ценно. И те, кто обрабатывает персональные данные, также должны нести ответственность за то, как они используют и обрабатывают эти данные.

Я думаю, что, даже если посмотреть на среду ICANN, что мы уже добились существенного прогресса, ведь сейчас, по крайней мере, все наши каналы связи открыты. Проблема реформы WHOIS сейчас на повестке дня многих совещаний на высшем уровне, не только в ICANN. И я думаю, что, с этой точки зрения, мы достигли прогресса, и обсуждения переходят в более зрелый формат.

И теперь мы сосредотачиваемся на реальных решениях. Вот тут как раз и возникают настоящие сложности. Конечно, операционализация принципов, которую мы наблюдали, — это самый щекотливый момент. И я думаю, что, хотя с одной

стороны модель с участием многих заинтересованных сторон, которая есть в ICANN, сопряжена со своими сложностями, так как существует множество разных интересов... и иногда обсуждаемые мнения могут быть полярными... я искренне думаю, что только в модели с участием многих заинтересованных сторон мы можем найти жизнеспособное решение.

Также я считаю, что прямо сейчас мы знаем, какие были предприняты действия, чтобы обеспечить соответствие регистратуры WHOIS требованиям GDPR. Но, опять же, мы пока не вышли на уровень предсказуемого и окончательного решения.

И я считаю, что это влияет на многих игроков, как всем нам известно. Иногда, мне кажется, мы игнорируем такой аспект, что даже отдельные регистраторы или отдельные пользователи не знают, как происходит управление их данными, к кому обращаться, если они захотят внести исправления в свои данные, и так далее.

То есть, даже с этой точки зрения, мы сейчас в таком промежуточном состоянии.

БРЮС ТОНКИН:

Я думаю, вы сделали хорошее замечание насчет отдельных пользователей. По своему опыту могу сказать, что большинство отдельных пользователей не знает о существовании WHOIS, к примеру. Большинство присутствующих в этом зале знает, потому что здесь

большинство работает в ИТ–сфере или уже посещали конференции ICANN и слышали о ней.

Но среднестатистический пользователь не задумывается об использовании WHOIS. Среднестатистический пользователь, скорее всего, после отрицательного опыта пользования сайтом, скорее всего он сообщит о нем в отдел работы с потребителями или подобную группу, даже не зная, что существуют такие службы. И они, разумеется, не знают, что их информация потенциально уже где-то опубликована. И я считаю, что все это обеспечение прозрачности — это важный принцип. Да.

КРИСТИНА МОНТИ:

Именно так. И в дополнение хочу сказать, по поводу вопроса о рисках, который поднимался, я бы хотела отметить, что GDPR, основанные на правилах, действовавших уже долгое время, на самом деле, следует понимать как мотивирующий фактор для всех игроков, которые должны... которые работают с персональными данными, делать это согласно закону, с необходимой прозрачностью и подотчетностью. Сейчас есть GDPR, даже для игроков за пределами Европы, ситуация улучшилась, в том смысле, что будет обеспечено единообразие в применении правил, так как теперь есть для этого механизмы.

Потому что, когда не было GDPR, было множество национальных законов. А с появлением GDPR все станет намного более единообразным. И для игрока за пределами

Европы станет намного проще решать такие вопросы. Я просто хотела отметить это. Спасибо.

БРЮС ТОНКИН: Да, конечно, уровень стандартизации по всему миру вырос, я считаю. Хадия, а потом снова Ник.

ХАДИЯ ЭЛЬ-МИНЬЯВИ: Как говорили раньше, проблема в неправильном понимании. Я бы хотела кратко отметить, что мы ни в коем случае не собираем данные для обеспечения интересов третьих сторон или таких интересов, которые...или интересов тех, кто желает получить доступ к данным. Это неправильное понимание.

Я слышала, как люди говорят, что вы собираете данные для правоохранительных органов. Вы собираете данные для киберпреступности. Вы... этого требуют эти люди.

И я хочу заверить всех присутствующих, что сбор данных проводится только с целью... чтобы обеспечить выполнение услуги, чтобы оказать эту услугу. Вот так.

БРЮС ТОНКИН: Это и есть принцип минимизации количества данных. Сбор только того, что вам нужно. Укажите причину и собирайте те данные, которые вам нужны.

ХАДИЯ ЭЛЬ-МИНЬЯВИ: А у третьих сторон постепенно появится доступ к тому, что собирают с этой целью.

БРЮС ТОНКИН: Разумеется. Ник и затем Милтон. Я хочу, чтобы мы не увлекались обсуждением тонкостей по каждому элементу данных, а вместо этого поняли принцип.

Ник?

НИК ВЕНБАН-СМИТ: Я хотел отметить, что есть риск, и весь этот риск ложится на стороны, связанные договорными обязательствами. Это один из мотивов, побуждающих нас принять более консервативную политику. Я думаю, есть и более широкая перспектива. Лично меня особо не пугает, что все говорят об очень суровых финансовых санкциях, которые потенциально будут возникать. Вообще, это дело ответственных организаций, но для меня это не столь серьезный аспект.

Что меня беспокоит гораздо больше, в наше время цифрового гражданства, так это то, что репутация органа, правильно и правомочно обрабатывающего данные в соответствии с законом, — вот, на самом деле, что дает сторонам, связанным договорными обязательствами, преимущества перед конкурентами. С моей точки зрения, это пересмотр прежних ценностей высшего порядка. Хорошо бы это тоже как-то учитывать.

БРЮС ТОНКИН:

Я думаю, вы тут как раз затронули тему доверия.

Сейчас многие теряют доверие, так как поняли, что предоставляли данные в конкретную службу, которой они пользовались. И потом они, сами того не зная... их данные передают третьей стороне или используют в непонятном для них ключе.

Я думаю, ключевой аспект, если снова говорить об основных целях ICANN, заключается в том, что мы должны обеспечивать доверие людей к доменной системе, уверенность в том, что они могут зарегистрировать домен, а мы будем надлежащим образом обращаться с их данными. Иначе люди перестанут регистрировать доменные имена. Они будут вместо этого использовать социальные медиа. Итак, я считаю это ключевым аспектом.

Милтон.

МИЛТОН МЮЛЛЕР:

Я бы хотел только добавить к тому, что сказала госпожа Монти. Вопрос о роли ICANN как глобального института управления и о том, как это соотносится с государствами, правительствами и их законодательством, носит общий характер. Я считаю, это один из ключевых вопросов, которые мы здесь рассматриваем.

До появления GDPR у меня вообще не вызывала восторг работа Европейского совета по защите данных. Но должен признать, что, оглядываясь назад, я думаю, что Европа сделала миру одолжение, установив стандарт.

В области регулирования и управления мы наблюдаем так называемый «калифорнийский эффект». Однажды в штате Калифорния приняли стандарты по выбросам вредных веществ автомобилями, которые были намного жестче, чем в стране в целом. И производителям пришлось выбирать, выпускать ли автомобили для Калифорнии и другие автомобили для других юрисдикций, или просто выпускать один вариант. По сути, именно это сейчас происходит с GDPR и конфиденциальностью, ведь установлен некий стандарт. И я думаю, что проблема в том... как глобальный институт, способна ли ICANN отвечать этому стандарту? Или мы сформируем набор конкурирующих стандартов?

Например, если США решат, что их не устраивает то, как сделали в Европе, создадут ли они свой отличающийся и конфликтующий стандарт, и станет ли наша система еще более фрагментированной? Я считаю, это один из важных вопросов, о которых нам нужно помнить, когда мы обсуждаем соответствие требованиям GDPR.

Я привел США только как пример. Любая другая крупная юрисдикция тоже может вызывать эти проблемы. Допустим, Китай. Допустим, Индия. А может, Канада? Не знаю.

Но вы поняли, что здесь речь об очень щекотливом и важном вопросе статуса ICANN как института глобального управления, относящегося к частному сектору, и большая часть присутствующих это поддерживает, я думаю, а не системы, базирующейся в определенной стране, с территориально

фрагментированным суверенитетом, когда у нас может быть сразу несколько разных систем.

БРЮС ТОНКИН:

Да. Я думаю, если посмотреть на историю GDPR, на то, что реально происходило в Европе — каждая страна говорила об общих принципах, но интерпретировала их по-своему, и это влекло за собой расходы для бизнеса. Я могу представить, что компания стремится выйти на крупный рынок и выполняет требования в Германии, допустим. Это крупный рынок. Но если это небольшая европейская страна, то компания скажет, не могу там работать, потому что их законы о защите конфиденциальной информации слишком сложные.

Так что я думаю, что обеспечение единообразия дает людям такое преимущество, как выход на крупные рынки. Как в Калифорнии... если бы это был другой штат, допустим, с меньшим населением, и они бы приняли стандарт по выбросам, скорее всего, это бы не имело значения. Но экономика Калифорнии — это явление, с которым приходится считаться. Производители автомобилей производят автомобили для этого рынка. И благодаря этому возникают преимущества и для остальных.

Да. Флип.

ФЛИП ПЕТИЙОН:

Спасибо, Брюс. Флип Петийон. Я хочу еще добавить по поводу доверия.

Доверие присутствует, когда вы предоставляете информацию, но оно должно присутствовать и при запросе на информацию. И все, на самом деле, должны демонстрировать заинтересованность в работе над обеспечением такого доверия. Думаю, что Nominet показывает хороший пример. Еще один пример нам показал господин Носс от определенного регистратора. Это хорошие примеры заинтересованности, готовности. В Европе мы это называем добросовестностью. Это действительно желание найти реализуемое решение. И я просто хотел это отметить.

БРЮС ТОНКИН:

Да, и ключевым аспектом доступа к данным, кроме того, является тот момент, что когда сторона запрашивает доступ, она начинает нести ответственность, когда получает доступ к этим данным, и должна нести ответственность за то, что происходит с этими данными. То есть вы не просто получаете доступ к блоку данных и можете делать с ним, что пожелаете. Подотчетность также должна стать элементом концепции доверия. И люди, получающие доступ к данным и использующие их ненадлежащим образом, лишаются права доступа. Это довольно просто.

На этом я хотел бы обратиться к аудитории. У меня есть еще пара вопросов, которые я бы хотел задать дискуссионной группе, но так как это более широкий срез сообщества, я бы хотел предоставить залу возможность задать любые вопросы дискуссионной группе, особенно те, которые относятся к этой

теме. Как нам найти своевременное решение? Какой мы все можем внести вклад в поиск этого решения?

Я не знаю, как стоит задавать вопросы. Но в первом ряду я вижу желающего, в любом случае. Давайте начнем оттуда.

ХОЛЛИ РАЙХЕ (HOLLY RAICHE): Всего один вопрос. С точки зрения цели, необходимо апробировать цель в контексте ICANN, но полномочия ICANN достаточно обширные. Я слышала такие аргументы, что полномочия касаются только технической стороны и технических вопросов. Я считаю, что если рассматривать миссию ICANN, это далеко не все. Если вы получаете от кого-то данные, это делается не только для обеспечения технической стороны. Это делается для обеспечения передачи, для разрешения споров. Если рассматривать цель, я буду обеспокоена, если эта цель не будет такой широкой, ведь, по сути, миссия состоит в управлении всей системой и ее стабильностью.

БРЮС ТОНКИН: Да. Хорошие замечания. Есть ли какие-то комментарии у дискуссионной группы? Эшли?

ЭШЛИ ХАЙНЕМАН: Да, я думаю, работа была долгой и кропотливой, но в рамках EPDP наконец это признали. Что касается изложения наших целей, мне кажется, мы затронули все, о чем вы сказали, и это радует. Не думаю, что мы пришли к завершению, но все эти

аспекты признаны, особенно то, что касается безопасности, стабильности и отказоустойчивости системы доменных имен.

БРЮС ТОНКИН: У вас еще один вопрос? Да, мы работаем в этих вещах. Номер 1, а затем номер 2.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОКЛАДЧИК: Я номер 1.

БРЮС ТОНКИН: Так, я понимаю систему.

РЭЙЧЕЛ ПОЛЛАК (RACHEL POLLACK): Рэйчел Поллак, UNESCO, и спасибо вам за столь интересную дискуссию.

На последней конференции ICANN, где я присутствовала, примерно полтора года назад в Копенгагене... простите, Совет Европы направил своих уполномоченных по защите данных для содействия в проведении дискуссий между уполномоченными по защите данных и членами сообщества, и я там узнала очень многое. Я так понимаю, что у них... что есть некие отголоски. Я понимаю, что ранее в этом году они выпустили указания по поводу защиты данных в ICANN. И я хотела бы узнать, кто-нибудь из членов дискуссионной группы уже... уже с ними ознакомился, и что они думают. Планируют ли они снова проводить обсуждения с уполномоченными по защите данных, чтобы обеспечить соответствие любой

принятой в итоге модели, с точки зрения структуры и системности.

Ну и позвольте втиснуть собственную организацию, это напрямую не касается ICANN, но мы опубликовали два исследования по вопросам свободы слова, конфиденциальности и транспарентности. Мне кажется, в них говорится об этом балансе различных прав человека и о том, как... как обеспечить баланс. Я рекомендовала бы вам... ознакомиться с серией публикаций UNESCO по свободе интернета.

Спасибо.

БРЮС ТОНКИН:

Позвольте небольшой комментарий, по поводу уполномоченных по защите данных. ICANN действительно обратилась с призывом, так как стремилась привлечь людей для выступления и участия в дискуссиях. На самом деле они параллельно проводят свое мероприятие как раз на этой неделе. Проходит мероприятие для европейских уполномоченных по защите данных, такое неудачное совпадение.

Но отвечая на вопрос... да, Хадия.

ХАДИЯ ЭЛЬ-МИНЬЯВИ:

Отвечая на ваш вопрос, определенно, мы принимали во внимание всю корреспонденцию с Европейским советом по защите данных, все письма и рекомендации, которые получила

ICANN. И это... занимаясь этой работой, разрабатывая политику, мы учитывали все, что нам предоставили, и мы это приняли во внимание.

БРЮС ТОНКИН: Отлично. Кристина.

КРИСТИНА МОНТИ: Позвольте еще уточнить и дополнить вопрос. Конечно же нам известно об указаниях, предоставленных Советом Европы, это полезный документ, однако, он затрагивает принципы. А мы здесь занимаемся GDPR, и Совет Европы скорее отвечает за 108 Конвенцию, а это, скажем так, другой инструмент. И об этом необходимо помнить.

Что же касается органов по защите данных, вы правы, они не могли присутствовать на нашем совещании, так как сейчас проходит крупное международное, глобальное собрание в Брюсселе, но я бы все же хотела заверить вас и подчеркнуть, что европейские органы по защите данных знают о проведении этих обсуждений, они следят за прогрессом и всегда предоставляют свои указания, когда мы к ним обращаемся, по поводу конкретных проблем, и я считаю, что они достаточно открыты для продолжения этих обсуждений. И это также касается вот этого страха санкций.

Я бы хотела вам напомнить, что органы по защите данных, да, обладают повышенными возможностями, но у них в распоряжении целый набор средств. Так что, перед тем как

применять санкции, я думаю, они скорее будут использовать другие свои средства, например, направлять предупреждения или что-то подобное... направлять ордер. И поэтому я думаю, что они также демонстрируют готовность вести диалог на эту тему. И я думаю, это действительно важно.

БРЮС ТОНКИН:

Я считаю, что это очень важный момент. Другими словами, отправная точка обеспечения соответствия или выполнения требований — это коллективный подход, в какой-то мере это содействие людям в понимании их требований. И только если люди это проигнорируют, то процесс перейдет на более серьезный уровень. Да.

Номер 2.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОКЛАДЧИК: Это вопрос к Нику от одного из наших дистанционных участников. Опыт сторон, связанных договорными обязательствами, в области доступа очень ценен. Какое количество запросов третьих сторон на доступ поступило в Nominet с 25 мая от сторон, не являющихся правоохранительными органами? Вы публикуете отчет по прозрачности с этими запросами, случаями раскрытия данных, временными рамками и апелляциями? СРН рассматривает возможность их опубликования?

БРЮС ТОНКИН:

Слово вам, Ник.

НИК ВЕНБАН-СМИТ: Спасибо за вопрос. Это, возможно, некий эмпирический подход к разработке политики — оглянуться назад и посмотреть, в чем, собственно, заключается наш опыт.

У нас всегда была политика доступа к данным, даже до GDPR, так как у нас были элементы данных, которые мы не публиковали в открытой WHOIS. Это касается национального имени .UK, крупнейшего... одного из наиболее крупных национальных имен. У нас есть 12 миллионов доменов, что, скорее всего, дает вам представление о цифрах.

Мы наблюдаем увеличение количества запросов на данные. До 25 мая мы никогда не публиковали адреса электронной почты или номера телефонов в открытой WHOIS, но люди при этом могли запросить их, используя процесс предоставления данных, и мы проводили довольно много таких процессов каждый месяц. А после GDPR у нас было... то есть мы измеряем количества и очень тщательно их анализируем. У меня есть такое милое хобби, как анализ данных. То есть, да, мы получили набор, почти 800 запросов на регистрационные данные отдельных доменных имен в течение трех месяцев. И я, на самом деле, я думаю, собираюсь, мы собираемся в течение шести месяцев с 25 мая работать и потом составить небольшой отчет о полученном опыте, ведь мы пока еще на совсем ранних стадиях.

Но мы... Когда мы получаем запросы, естественно, мы их анализируем, и мы даже информируем субъекты данных, что

поступил запрос на данные, что мы его удовлетворили или не удовлетворили. Это тоже относится к транспарентности.

Так что есть ряд элементов отчетности, присущих каждому отдельному запросу, но, я думаю, да, совершенно точно, по мере продвижения вперед мы будем рассматривать... рассматривать на организационном уровне. Среди сторон, связанных договорными обязательствами, сформированы очень активные группы для обсуждений всех подобных тем, обобщения всей нашей информации и опыта, а также анализа всех этих данных и затем анализа реального опыта для определения работающих подходов, неработающих подходов. Я бы сказал, что количества запросов на данные не столь большие, как предполагали некоторые. Отчасти это связано с тем, что мы действительно предоставляем в государственные правоохранительные органы довольно много данных без необходимости в оформлении отдельных запросов. Но... я немного нервничаю, и я знаю, что решение RDAP технически значит предоставление доступа, и стороны, связанные договорными обязательствами, в общем активно это поддерживают, но я довольно обеспокоен в свете определенных прошлых случаев с... способов, которыми ICANN по факту реализовала какие-то вещи, потому что в итоге мы можем получить очень сложную и дорогостоящую систему реализации, слишком переусложненную технически при учете реального количества запросов, которые поступают. И не забывайте, что, хотя .UK — это крупная регистратура, у нас также есть национальная регистратура для валлийских доменов. В Уэльсе есть пара десятков тысяч доменов, но на

эти данные мы не получили ни одного запроса. И внедрять какую-то систему для них... И это, кстати, в рамках Программы New gTLD очень типично для многих таких новых gTLD.

И внедрять какую-то очень сложную систему, связанную с большими затратами и операционными расходами, в ситуации, когда, на самом-то деле, это вообще не оправдано с точки зрения масштабов и стоимости реализации. Это должно быть еще одним моментом, который... который следует рассмотреть, потому что мне интересно, в более мелких регистратурах вообще получали хоть какие-нибудь запросы.

БРЮС ТОНКИН: Позвольте повторить цифры, по-моему, вопрос касался всех, кроме правоохранительных органов, если я правильно услышал, то 800 в месяц, так?

НИК ВЕНБАН-СМИТ: 800 за три месяца. За квартал.

БРЮС ТОНКИН: 800 за три месяца. То есть 800 за квартал. Спасибо.

Микрофон номер 1. Я думаю, вам нужно себе присвоить номер.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОКЛАДЧИК: Спасибо, Брюс. Я хочу задать вопрос, так как вы сделали заявление по поводу одного из принципов GDPR,

касающегося точности, и вы сказали, что проблема более – менее решена, так как имеются стандарты точности, предполагающие ежегодное уточнение владельцем домена всех соответствующих элементов во WHOIS. Обсуждение этого вопроса по-прежнему идет и в EPDP. И мне кажется, мы там уже приблизились к хорошему решению, так как вопрос в том, как можно отвечать цели, если ваши данные неточные или недостоверные и так далее? Как можно отвечать цели? Я не говорю только с точки зрения третьих сторон, у которых этого не будет, но и с точки зрения сторон, связанных договорными обязательствами, или ICANN, или еще кого-то, кому потребуется эта информация... например, чтобы с кем-то связаться... и они выяснят, что данные, которые они в своем... в своем распоряжении имеют, неточные, устаревшие и тому подобное.

Я считаю, что этот вопрос мы как-то старательно избегаем. Я понимаю, что тут речь о больших расходах, наверное, или, может, это скучная проблема, но я не думаю, что нам удалось найти удовлетворительное решение.

БРЮС ТОНКИН:

То есть это касается аутентификации поступающих данных.
Ага.

Какие-либо комментарии? Милтон.

МИЛТОН МЮЛЛЕР: Да, я думаю, что призрак старой WHOIS по-прежнему преследует многих людей, и проблема точности — хороший тому пример.

Итак, у нас был неизбирательный доступ к персональным контактным данным, и как хорошие, так и плохие люди, по понятным причинам, указывали неточные данные в WHOIS, так как понимали, что это будут публиковать. Как только данные получают защиту от неизбирательного открытого доступа, проблема неточности совершенно меняет смысл. Да, будут те, кто по-прежнему будет указывать недостоверную информацию, но большинство законных владельцев доменов так поступать не станут.

И... И кроме того, обсуждение верификации данных — это проблема, не связанная с принципами, определяющими, что и почему мы собираем. Это отдельная проблема политики. Уже есть целый набор политик, связанных с точностью, как нам всем известно, и это... это хороший пример вещей, препятствующих прогрессу,— то, что люди начинают приписывать другим вещи процессу определения, что мы собираем и как мы выполняем требования GDPR, и эти вещи реально не касаются соблюдения GDPR, и их можно решить при помощи других процессов политики на более поздних этапах.

БРЮС ТОНКИН: Хорошо. Номер 2.

ФИРДАУСИ (FIRDAUSI): Спасибо. Меня зовут Фирдауси.

Я хотел бы попросить вас привести пример урегулирования конфликтов, если можно. Например, если мы говорим о таком правовом принципе, как специализированные (неразборчиво) или (неразборчиво). Итак, первое, специализированные нормы отменяют общие нормы, а второе, самое новое отменяет самое старое.

И если посмотреть на пример, например, ведь у расследования есть какая-то цель, то есть, если посмотреть, например, и сравнить GDPR и RIPA, Закон о правовом регулировании следственных полномочий, как можно реализовать этот правовой принцип? Или есть другая правовая теория, которую можно реализовать. И еще, при учете, что GDPR действуют не только в ЕС, но и за пределами ЕС, на практике, как правительство другого региона или, например, другой регион с институтом, похожим на ЕС, например, в юго-восточной Азии это ASEAN, как они обеспечат соблюдение? Больше похоже, что мы создаем многостороннее соглашение или, может быть, двустороннее соглашение, или, может быть, ситуационные (неразборчиво) правовые консультации?

И еще, так как есть... мне кажется, я слышал, как члены дискуссионной группы говорили об осознании конфиденциальности, также и со стороны потребителя, и так далее. Какова будет роль должностного лица по обеспечению конфиденциальности или директора по защите персональных данных в будущем, как вы считаете? Ведь это означает, что

это... так как ЕС принимает стандарт GDPR, я думаю, потребность многих компаний по всему миру в назначении должностного лица по обеспечению конфиденциальности или директора по защите персональных данных становится еще острее.

Спасибо.

БРЮС ТОНКИН:

Спасибо. Я хотел бы услышать пару ответов на это. Итак, сначала давайте спросим Ника. Вы вообще получаете ответы или запросы на данные от сторон за пределами Великобритании, находящиеся в разных правовых юрисдикциях? И как вы, как директор по защите персональных данных, с этим работаете?

НИК ВЕНБАН-СМИТ:

Спасибо за вопрос. Я думаю... ну, у нас есть стандартный процесс, и неважно, где вы находитесь. То есть нам поступает некоторое количество запросов не из Великобритании. Большая часть запросов относится к нашей юрисдикции, и я думаю, что отчасти это потому, что именно тут базируется большая часть зарегистрированных имен, и частично именно здесь мы обладаем правосубъектностью, здесь наше правительство и местные правоохранительные органы, наши люди, наши сети. Но у нас есть много регистраторов за пределами Великобритании и много владельцев доменов за пределами Великобритании. Применяется та же политика. Это глобальная политика.

И я считаю, если посмотреть, как на практике работают GDPR, очень хорошо, что во всех областях нашей работы наблюдается высокий уровень стандартизации.

Так что да, все одинаково... одинаково... одинаково, вне зависимости от того, кто подает запрос.

БРЮС ТОНКИН: То есть, так как вы не здесь, так как вы находитесь в Европе, вы обязаны соблюдать европейское законодательство, и поэтому вы, по сути, применяете это законодательство ко всем запросам, поступающим вам извне. Звучит так.

НИК ВЕНБАН-СМИТ: Но с точки зрения того, как мы это реализуем, с точки зрения доступа, политика для всех одинакова. Это не обязательно, но нам гораздо проще работать именно так.

БРЮС ТОНКИН: Вы пытаетесь... сделать из нее стандарт.

НИК ВЕНБАН-СМИТ: Да, совершенно верно.

БРЮС ТОНКИН: Возможно, Эшли, вы могли бы прокомментировать с точки зрения другого правительства или правительства не европейской страны, как, по вашему мнению, регистраторы

или регистратуры должны учитывать другие законы, допустим, законы США, которые могут отличаться от GDPR.

ЭШЛИ ХАЙНЕМАН:

Я не стану говорить от лица США, потому что я не уполномочена. Я буду говорить от лица GAC. Но я скажу следующее: я считаю, мы должны очень осторожно говорить о GDPR, как о стандарте глобальной защиты персональных данных. Тут... существует множество различных нормативов по защите данных. Я считаю... понимаете, я бы не хотела говорить слишком бесцеремонно, но я считаю, что на самом деле... это стало для ICANN такой острой проблемой именно в связи со всеми рисками и ответственностью, которые это налагает на стороны, связанные договорными обязательствами.

Поэтому я считаю, что, будем надеяться, многое, что есть в GDPR, в целом уже было в аналогичных законах о защите данных, но до сих пор также существует и процедура на случай конфликта с национальным законодательством. Как она будет применяться — это другое дело. Но я считаю, правительства в этом случае интересуют также... говоря о том, как все это будет реализовано, их интересует возможность правоохранительных органов за пределами Европейской Комиссии, ведь предельно очевидно, что GDPR разрешает, скажем так, в определенной мере, скажем так, некое упрощенное обоснование доступа для правоохранительных органов Европы. Не совсем понятно, распространяется ли это

на правоохранительные органы остальных частей мира. Вот такое замечание.

Спасибо.

БРЮС ТОНКИН: Спасибо. Хорошо.

Номер 1.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОКЛАДЧИК: Янис Сорди (фонетически). Мой вопрос касается вашего комментария о получении 800 запросов за три месяца.

А до GDPR, сколько вы получали запросов в месяц, если вам известно, в последние годы? Ведь эти данные, мне кажется, будут гораздо интереснее, реальные запросы, которые в целом возникают у людей, у сообщества в целом.

НИК ВЕНБАН-СМИТ: Спасибо за вопрос. Не могу сказать точно по каждому месяцу, потому что иногда поступает крупный запрос от определенного органа, который ведет некую работу. Допустим, в период перед Рождеством ведется много расследований. Ладно...

Думаю, масштаб изменения запросов такой: вместо десяти — двадцати в месяц их стало примерно одна треть 800, то есть 250 в месяц. Таковы масштабы изменений.

БРЮС ТОНКИН: Я так полагаю, Ник, в Великобритании широко обсуждались не только ваши услуги, но и GDPR в целом? То есть, люди обо всем этом теперь знают?

НИК ВЕНБАН-СМИТ: Вообще, это интересный вопрос, так как самая важная особенность GDPR заключается в том, что они, на самом деле, мне кажется, не особо изменили закон в Великобритании. Но что они... если говорить о том, как каждый конкретный человек понимает эту тему и свои права как гражданина, то перемены кардинальные. Допустим, я заходил на сайт BBC в преддверии принятия GDPR, и это были, реально, новости на первой полосе. 25 мая это было в заголовках всех газет, и все теперь об этом знают.

БРЮС ТОНКИН: Это повышение осведомленности потребителей.

Да, Грег.

ГРЕГ ААРОН: Да. То есть, с тех пор как в мае GDPR вступили в силу, мы постепенно начинаем понимать последствия. Мы наблюдаем, как появляется какая-то информация об использовании, запросах и так далее.

Совсем недавно произошло следующее: две организации, состоявшие из профессионалов по кибербезопасности и сетевых операторов, сделали следующее. Группа

противодействия фишингу в МЗААWG проводила опрос, а их членами являются компании по безопасности, отвечающие за защиту сетей, банков, образовательных учреждений и так далее.

И они спросили своих членов: Вы стали направлять больше запросов или меньше? Как с этим обстоят дела? И 300 с чем-то респондентов предоставили им информацию.

Одна из вещей, о которой там сказано, — некоторые из них теперь не понимают, как направлять запросы. Отчасти из-за того, что теперь каждая организация, хранящая данные, имеет собственные процессы. Они внедрились собственные процедуры, использующие разные механизмы. Это их, как они говорят, на самом деле, разубедило делать запросы.

Так что, если количество запросов невысокое, это не обязательно позволит нам понять спрос на данные, так как некоторые просто отказались от использования данных WHOIS через имеющиеся сейчас механизмы, так как теперь они не могут узнать оттуда то, что им нужно. Поэтому в ближайшие месяцы, я думаю, мы гораздо больше узнаем, какие последствия это имеет для людей.

БРЮС ТОНКИН:

Спасибо.

Номер 3.

ДИРК КРИШЕНОВСКИ (DIRK KRISCHENOWSKI): Дирк Кришеновски из .BERLIN и .HAMBURG, заместитель председателя группы географических доменов верхнего уровня.

Мы недавно провели — и опубликовали в CircleID и на своем сайте, geotlds.group — исследование по 39 гео TLD. Возвращаясь к вопросу, как работают небольшие регистратуры в контексте GDPR. Из 39 25 гео TLD были европейскими, а 14 — не европейскими. Результаты наших исследований показали, что, хотя регистратуры гео TLD, базирующиеся в Европе, серьезно относятся к GDPR и приняли меры по защите персональных данных граждан, количество запросов на доступ к данным стремится к нулю. И все эти запросы обрабатываются очень эффективно.

Исследование регистратур гео TLD показывает, что нет доказанной необходимости в универсальной модели доступа, если учитывать, как на практике работают GDPR. Пожалуйста, взгляните на это исследование. Оно довольно интересное. Там говорится, сколько было запросов, таких запросов с мая по сентябрь было менее 15 в 39 гео TLD, где зарегистрировано более 700 000 доменных имен, чтобы вы понимали соотношение.

БРЮС ТОНКИН: Спасибо, Дирк. По-моему, прекрасно, что люди делятся данными. Думаю, сейчас каждый, кто управляет операционными регистратурами, должен именно делиться

данными, как это сделали Ник и Дирк. Это действительно способствует разработке политики. Ладно.

Первый.

ДЖОН ЛАПРАЙЗ (JOHN LAPRISE): Здравствуйте, Джон Лапрайз, ALAC. Я сейчас буду говорить не как член ALAC, а как сотрудник компании, куда каждый день хожу на работу. Я занимаюсь исследованием рынка в отделе маркетинга в США. И я отвечу на вопрос Брюса о последствиях для США.

Я недавно участвовал в вебинаре по работе, и там, хотя многим компаниям в США известно о GDPR, менее половины движется в сторону их принятия. Они придерживаются выжидательной позиции. И во многих случаях дело в том... в США мы говорим: «Не обязательно бежать быстрее медведя, просто беги быстрее другого парня». Именно такой позиции придерживаются сейчас многие американские компании, они выжидают и надеются, что попадут под внимание ЕС.

Но исследование рынка в целом во всей отрасли настроено довольно враждебно к этому. И у нас есть другие... есть новая инициатива по конфиденциальности данных штата Калифорния, которая имеет очень много общего с GDPR. Так что здесь ведется обширная работа.

БРЮС ТОНКИН: Хорошо. Спасибо за это замечание.

Два.

ТОМАС ДЕ ХААН (THOMAS DE HAAN): Да, спасибо. Томас Де Хаан, Нидерланды, представитель GAC.

Я бы просто хотел вернуться к замечанию Nominet, я думаю, очень полезно будет взглянуть на имеющиеся механизмы. Разумеется, все это в юрисдикции Великобритании, поэтому это не так сложно, как в масштабах всего мира.

Мой вопрос следующий: Вы говорите о запросах... отдельных запросах на доступ к данным. А что насчет массового доступа или ограниченного массового доступа? Например, в Нидерландах, это ведь тоже один из крупнейших ccTLD в мире, с местными властями было достигнуто соглашение о предоставлении ограниченного массового доступа. Я не располагаю деталями. Они могут больше об этом рассказать.

Но в Великобритании тоже есть такой механизм? И, по сути, вопрос сводится к следующему: Ваши инструменты или те, которые имеются, они действительно соответствуют существующему спросу? Спасибо.

БРЮС ТОНКИН:

Позвольте только немного уточнить вопрос, только терминологию, вы говорите «массовый», имея ввиду, что вся база данных предоставляется другой стороне? И еще есть возможность автоматической отправки запросов. На мой взгляд, это немного разные вещи. Но я дам Нику возможность

ответить, может быть, на оба эти вопроса. Итак, вы предоставляете массовый доступ, другими словами, передаете полную копию базы данных в правоохранительные органы? И есть ли у вас автоматический доступ, и какой объем запросов вам поступает на него?

НИК ВЕНБАН-СМИТ:

Спасибо за вопрос.

Отвечая на часть по массовому доступу, мы разрешаем правоохранительным органам Великобритании массовый доступ. Но тут нужно уточнить, какой доступ имеется ввиду, потому что речь не о полном наборе данных.

Регистратура располагает гораздо большим диапазоном данных, чем тот, который мы предоставляем правоохранительным органам. И еще меньше данных появляется в открытой WHOIS. То есть тут множество слоев, как луковица. Но, разумеется, договоренность, к которой мы пришли внутри страны со своими правоохранительными органами, состояла в том, что они получали доступ ровно к тем же данным WHOIS, что были в открытом доступе до 25 мая. Но для этого они должны выполнять безопасный вход в систему, индивидуализированный при помощи проверок, и мы не просто так предоставляем данные кому угодно. Это органы, порядок работы которых нам известен. Есть Национальное агентство по борьбе с преступностью. Они координируют подобные вещи.

Но если говорить о местных торговых стандартах, по всей стране также действуют местные торговые стандарты. Это происходит через одну точку доступа, через наш местный внутренний орган власти.

БРЮС ТОНКИН: Что насчет автоматизированного доступа?

НИК ВЕНБАН-СМИТ: У нас нет автоматизированного доступа.

БРЮС ТОНКИН: Милтон?

МИЛТОН МЮЛЛЕР: Обсуждение доступа в этом ключе мне кажется весьма полезным, но я хочу отметить, что мы говорим о доступе, ведь так?

И давайте помнить, первое, у нас есть много интересных данных по поводу фактических последствий. Думаю, информация по поводу гео TLD очень интересна. Проводилось исследование ccTLD. Я был рад услышать от Грега об исследовании безопасности.

И я думаю, вы начинаете осознавать, насколько сложным... когда Nominet говорил нам о разных уровнях и типах доступа, насколько сложным может стать этот вопрос.

Поэтому, скажем так, нужно собрать объяснительную базу. Дирк предоставил нам объяснения, почему не нужна единая модель доступа. И здесь нужно тоже собрать объяснительную базу. Это проблема, которую нам нужно преодолеть.

Но сначала нам нужно решить, что будет в нашей WHOIS, что публикуется, какие элементы данных мы собираем. Прошу вас, не путайте эти вопросы.

И мы должны суметь выполнить первую часть. Думаю, что за три месяца это относительно несложно. Если мы этого не сделаем за три месяца, то у нас будут большие проблемы. Мы не... график работы с политикой поджимает, и весь процесс с участием многих заинтересованных сторон, кажется, терпит неудачу. И вокруг, как я уже говорил, кружат стервятники, которые с радостью посмотрят на нашу неудачу, которые хотят вступить в игру и начать правительственные вмешательства, а возможно, и вызвать фрагментирование процесса.

Так что давайте доделаем временную спецификацию, официально ее примем в качестве политики, а потом уже будем вести очень интересные и насыщенные дебаты о доступе.

БРЮС ТОНКИН:

Да, одним аспектом принципа разработки программного обеспечения является выброс разрабатываемого программного обеспечения. То есть вы делаете какой-то кусок, вы его выбрасываете и выпускаете, а затем переходите к следующему куску.

То есть, в какой-то мере, чтобы делать все своевременно, нужно постараться понять эту цель, какие данные вы фактически собираете и фактически выбросить это, потому что именно так это будет зафиксировано. И тогда вы сможете рассматривать уже какие-то другие вещи. Иначе вы постоянно будете ходить по кругу. Я считаю, это хорошая мысль.

Номер 3.

БЕККИ БЕРР (BECKY BURR): Здравствуйте. Я Бекки Берр, и я говорю как директор по защите конфиденциальности Neustar.

Я только хотела высказаться по поводу комментария Джона о половине американских компаний. Думаю, многие видели, что Майкрософт, внедряя свою платформу GDPR для запросов субъектов данных, сделали это на глобальном уровне. Сейчас они сообщают, что в расчете на одного человека и в совокупности они сейчас получают больше запросов и выполняют больше запросов от американцев, чем от жителей любого другого уголка мира. Это полностью совпадает с нашим опытом.

Тот факт, что в Европе все знали о GDPR 25 мая, ощущали во всем мире. Исходя из собственного опыта, могу сказать, что, по крайней мере, эта американская компания и другие компании, с которыми я работаю, по факту поднимают планку, соблюдая требования GDPR, и отклик потребителей тоже происходит очень быстро.

БРЮС ТОНКИН: Спасибо, Бекки.

Номер 1.

АМРИТА ЧУДУРИ (AMRITA CHOUDHURY): Меня зовут Амрита Чудури, CCOUI, Индия.

Я, конечно, могу ошибаться в некоторых фактах, но прошу тогда меня поправить. По-моему, зарегистрировано уже примерно 339 миллионов доменных имен. И, как я слышала, есть примерно 1200 миллионов имен в домене Европейского Союза. Это меньше половины глобальной регистратуры доменов, которая находится в юрисдикции ЕС.

Хотя в ICANN ведутся активные обсуждения, как можно обеспечить соответствие доменных имен GDPR с точки зрения регистратуры WHOIS, занимается ли ICANN также, скажем так, рассмотрением законов других государств? Европа — это регион. Однако существуют и другие регионы, другие страны. Их интересы кто-то защищает?

Второй вопрос. Есть государства, достаточно развитые, которые понимают этот вопрос.

Но есть развивающиеся государства, например, Индия, у нас есть доменные имена, которые продаются различными компаниями, организациями из Европы, а также США и даже

Индии. У регистраторов и регистратур может не быть такого же уровня понимания, возможностей.

И что... планируете ли вы что-то для улучшения их понимания, чтобы конечные пользователи также могли... чтобы их интересы тоже кто-то учитывал? А то мы здесь проводим заседание, мы говорим, но при этом новые интернет-пользователи или покупатели доменов далеко не так хорошо технически подкованы, особенно в развивающихся странах.

БРЮС ТОНКИН:

Я считаю, здесь два вопроса. Первый: Как учитываются законы других стран? Очевидно, в Индии есть законы.

И второй вопрос: как мы повышаем осведомленность людей по этим вопросам в других частях мира.

Наверное... я сначала отвечу на второй. Я передам слово Хадие, так как Хадия из ALAC, и я полагаю, что ALAC проводит мероприятия по повышению осведомленности в разных частях мира.

ХАДИЯ ЭЛЬ-МИНЬЯВИ:

Да. Я буду говорить как член EPDP. Итак, одна из рекомендаций, как мы надеемся, которую предоставит группа по EPDP,— это рекомендация о повышении осведомленности и обучении владельцев доменов.

Я считаю, что частично эту задачу могут решить, допустим, ICANN и регистратуры, регистраторы, так как я уверена, что как

раз в интересах регистраторов обеспечить осведомленность владельцев доменов о том, что было... что происходит в новых политиках.

Мы, на самом деле, в своей работе учитываем другие законы о защите конфиденциальной информации, именно сейчас, так как группа по EPDP уполномочена проанализировать соответствие временной спецификации положениям GDPR. Но это не значит... конечно, мы надеемся, что конфликта с другими законами о защите конфиденциальной информации не возникнет.

Но на данный момент мы не проводим такую работу, как анализ других законов о защите конфиденциальной информации.

БРЮС ТОНКИН:

Спасибо. Эшли.

ЭШЛИ ХАЙНЕМАН:

Спасибо. Говоря от имени GAC, да, с точки зрения нашего участия в EPDP и других текущих мероприятиях, касающихся WHOIS, мы прикладываем все усилия, чтобы делать это настолько... «всеобщим», наверное не лучшее слово, но чтобы гарантировать, что все, что мы делаем, происходит с учетом существования и других законов о защите конфиденциальной информации..

Мы надеемся, что сможем этого добиться, опираясь на GDPR, скажем так, как на модель, ведь именно они в какой-то мере и

заставили нас этим заниматься. Но везде, где только можно, мы стремимся не сводить все сугубо к GDPR. Думаю, это важно уже из уважения к другим законам, действующим по всему миру. Вот чего мы, как минимум, стремимся добиться. Спасибо.

БРЮС ТОНКИН: Спасибо. Кристина.

КРИСТИНА МОНТИ: Я также хотела озвучить небольшие комментарии по этим постоянным вопросам о противостоянии или возможном противостоянии, которое возникнет между различными законами в различных юрисдикциях и глобальной природой интернета. Да, мы понимаем, как это непросто, и мы понимаем, как непросто нам будет из-за постоянной конфронтации не только в области защиты данных, но и в других областях. Вот почему так важно сейчас, в ICANN, сформулировать все правильно, ведь это окажется прецедентом на будущее.

Что касается защиты данных, в целом, я бы также хотела подчеркнуть, что то, что мы видим... и я, наверное, в этом более оптимистична, чем мой коллега Милтон Мюллер. Мы видим тенденцию к сближению. Те принципы, которые закреплены в GDPR и которые базируются на защите основополагающих прав человека, я бы сказала, что это логичные принципы. Они касаются надлежащего управления вашими данными.

И, как я говорила вначале, дьявол в деталях и в реализации. Вот на чем следовало бы сосредоточить внимание.

И вполне может оказаться, что не на все вопросы можно найти ответы. И мы вполне можем обнаружить, что нужно найти какие-то творческие решения, чтобы система заработала, и раздвинуть границы того, с чем мы имеем дело. Вот почему мы предусмотрели определенные процессы, мы собираем для диалога заинтересованные стороны, и у нас получится это сделать.

Может быть, также... по поводу разных процессов, я лично понимаю, что, скажем так, некоторые... заинтересованные стороны хотели бы использовать последовательный подход, а другие, скажем так, торопятся перейти к окончательному решению.

Лично я не вижу, скажем так, проблемы в параллельном протекании процессов, но очевидно, что при этом у вас должно быть четкое понимание проблем. И некоторые вещи постоянно толкуют неправильно.

Поэтому очень важно уделять внимание тому, что говорят другие, чтобы, скажем так, во всех этих разнообразных рабочих группах мы все вместе сообща занимались поиском решения.

Если есть проблемы, которые невозможно решить, давайте все вместе определим, как мы все же будем закрывать этот пробел.

БРЮС ТОНКИН:

Отлично. Спасибо, Кристина.

Предлагаю перейти к другому вопросу, а затем я снова вернусь к залу. Еще один вопрос к дискуссионной группе.

Говоря с точки зрения разработки политики, можно отметить такой аспект: в последние годы разрабатывались и другие политики, относящиеся к этой области.

Одна из них предлагала решение, которое регистратуры и регистраторы реализовали для защиты конфиденциальности персональных данных, внедрив нечто, что они называли... иногда это называют услугами сохранения конфиденциальности, а иногда услугами регистрации через доверенных лиц.

Но при этом они заменяли информацию во WHOIS на сведения либо об отдельной компании, которую называли доверенным лицом, либо указывали имя и адрес регистратора, например, вместо имени и адреса владельца домена. И потом они, по сути, выполняли услугу перенаправления. То есть, если письмо отправляли на адрес, указанный во WHOIS, его могли перенаправить конечному пользователю.

Одним из опасений, которые вызывало распространение подобных услуг регистрации через доверенных лиц, сводилось к тому, что да, они отлично справлялись с предоставлением потребителю возможности защищать персональные данные. Но было непонятно, при каких обстоятельствах тогда

персональные данные могли передаваться в правоохранительные органы, и была ли у этих правоохранительных органов и других групп возможность получить доступ к этим данным.

В свете этого вопроса был запущен процесс разработки политики. Но сейчас, когда мы с чистого листа всем этим занимаемся, вопрос к участникам группы такой: как мы... нам нужно вернуться назад и изучить эти политики? Нужно ли нам учитывать эти политики, когда мы разрабатываем политику, охватывающую... в EPDP.

Другой концепцией, возникшей пару лет назад, стала концепция расширенного варианта записи данных WHOIS. И у некоторых регистратур, особенно стоит отметить .COM, центральную регистратуру, была информация о доменном имени, подобно информации DNS, но также у них есть информация о регистраторе, и вам нужно обратиться к регистратору за информацией о фактическом владельце зарегистрированного имени. То есть это распределенная система. И пару лет назад придерживались мнения, что сложно отправлять запросы во все эти отдельные системы, потому что форматы данных везде были немного разными. И единственным инструментом в то время был порт 43 WHOIS. И в процессе разработки политики было сказано, что мы должны собрать всю информацию в центральной регистратуре, чтобы можно было запросить ее в одном месте. Но вместе с нормативами во многих странах также появляются и ограничения для трансграничной передачи данных. В то

время в основном придерживались мнения, что, скажем так, если вы управляете регистратором в Австралии и у вас австралийские клиенты, то вы храните свои данные в Австралии. Аналогично этому, если вы управляете регистратурой в Германии, или Ирландии, или другой стране, то вы храните данные о своих клиентах в стране, где располагается регистратор, и тогда предоставляете эти данные согласно применимым, скажем так, стандартам и конвенциям.

Итак, собственно вопрос к участникам дискуссионной группы такой: при учете того, что существуют две эти политики, возможен их конфликт с работой, которую проводит EPDP. И я уже говорил, как считает дискуссионная группа, как мы должны учитывать уже проделанную работу, и нужно ли нам возвращаться и вносить в нее уточнения или лучше рассмотреть другие подходы? Эшли?

ЭШЛИ ХАЙНЕМАН:

Я буду очень краткой, так как, наверное, я тут не совсем к месту, по крайней мере, для своих коллег из правоохранительных органов и не только. Но я только хотела отметить, будучи в группе по анализу реализации служб сохранения конфиденциальности/регистрации через доверенных лиц, это имело вполне ощутимые последствия, в том смысле, что в тот момент все практически остановилось. Что вызывает беспокойство, в особенности у тех, кто хотел бы получить доступ к этой информации. Также это вызывает беспокойство потому, что при вступлении в эпоху соблюдения

GDPR службы сохранения конфиденциальности/регистрации через доверенных лиц — это вариант маскировки данных, и для этого также требуются правила. Поэтому, как минимум, последствия в том, что это остановило работу по реализации. Спасибо.

БРЮС ТОНКИН: Спасибо, Эшли. Кто-то еще хочет высказаться по теме? Милтон.

МИЛТОН МЮЛЛЕР: Я скажу не столько про сохранение конфиденциальности/регистрацию через доверенных лиц, сколько о расширенном варианте записи данных WHOIS. Я так понимаю, что расширенный вариант записи данных WHOIS больше не понадобится согласно... как только мы обеспечим соблюдение GDPR и реализуем RDAP, потребность в RDAP во многом исчезнет из-за существования... простите, потребность в расширенном варианте записи данных WHOIS исчезнет из-за существования RDAP, и не будет никаких реальных оснований поручать регистратуре хранить данные.

БРЮС ТОНКИН: Позвольте уточнить: почему такое может произойти? Не все знакомы со RDAP, так почему RDAP решит эту проблему?

МИЛТОН МЮЛЛЕР: Он обеспечит наличие некой совместной базы данных, в которой люди, которым был нужен доступ, смогут его получить без необходимости переноса... и хранения в двух разных местах, в регистратуре и у регистратора. Это мое личное понимание вопроса. Возможно, я не прав, но... я думал, что обоснование расширенного варианта записи данных WHOIS с самого начала было каким-то неубедительным. Она, конечно, способствовала переносу доменов от одного регистратора другому, но, мне кажется, мы сможем это делать и без расширенного варианта записи данных WHOIS. Ну и согласно GDPR, принцип минимизации объемов передаваемых и собираемых данных, по-моему, обязывает нас оставлять данные у того регистратора, который по факту их собирает.

БРЮС ТОНКИН: Хорошо. Грег.

ГРЕГ ААРОН: Занимаясь последние пару месяцев временной спецификацией, мы наблюдали вот что: хотя GDPR распространяется на определенные типы данных, временная спецификация позволяет проводить обезличивание дополнительных данных, на которые не распространяется закон. Например, GDPR не охватывает информацию о так называемых юридических лицах, частных предпринимателях. Но эти данные можно обезличить в рамках временной спецификации, и это позволяет сократить объем информации, с которой должны работать люди.

Так что в SSAC было сказано: сделайте информацию доступной согласно закону, это очень важно, но не переусердствуйте с применением этого закона. Предоставляйте доступ сбалансированно, в пределах, разрешаемых по закону. Это две разные вещи.

Говоря про данные при регистрации через доверенных лиц, есть люди, не обязанные соблюдать GDPR, которые по-прежнему могут этим воспользоваться.

БРЮС ТОНКИН:

Естественно, это не физические лица.

ГРЕГ ААРОН:

Допустим, я человек, ну, скажем, в Бразилии, на меня не распространяется действие GDPR, если мой регистратор находится не там, но я, допустим, хочу использовать регистрацию через доверенное лицо. В этой ситуации возникает пересечение.

Я также повторю, что сказали в SSAC: расширенный вариант записи данных регистратуры — это прекрасная идея по ряду очевидных причин, с точки зрения безопасности и стабильности, и он не имеет никакого отношения к... иногда такие регистратуры не имеют никакого отношения к предоставлению информации, так что я не соглашусь с Милтоном.

БРЮС ТОНКИН: Ник.

НИК ВЕНБАН-СМИТ: Я не против использования услуг регистрации через доверенных лиц. Я думаю, что этот вопрос состоит в том... но это далеко идущее предположение... что же сказано во временной спецификации, что позволит в свое время сохранить обезличивание персональных данных в качестве постоянной политики. Если дело именно в этом, то я полагаю, что вопрос такой: если персональные данные не будут разглашаться через открытую WHOIS, то какой смысл в конфиденциальности, так? И в системах... в Европе существует множество систем, в которых конфиденциальность интегрирована в операции регистратуры, и некоторые люди не могут воспользоваться преимуществами защиты персональных данных, как уже отмечали, но при этом всегда сохранялся спрос на услуги сохранения конфиденциальности и регистрации через доверенных лиц. Иногда это делается исключительно для удобства управления. Иногда для сохранения коммерческой конфиденциальности. Кто-то хочет запустить новый бренд, но они не хотят, чтобы узнали, что его запускают именно они. Они регистрируют новые имена через услугу регистрации через доверенных лиц. И существует... мы пока на ранних этапах, пока что непонятно, но я вполне уверен, что спрос останется. Но я также вполне уверен, что он станет меньше, чем раньше.

БРЮС ТОНКИН: Хадия.

ХАДИЯ ЭЛЬ-МИНЬЯВИ: Да. Я согласна с тем, что сказали. Я бы только добавила, что согласно существующим GDPR или перед их принятием поставщики услуг регистрации через доверенных лиц, законные поставщики услуг регистрации через доверенных лиц также имели право или разрешение на предоставление данных в определенных обстоятельствах. Так что... я не совсем уверена, что прямо сейчас нам действительно нужны услуги регистрации через доверенных лиц. Спасибо.

БРЮС ТОНКИН: Крис.

КРИС ЛЬЮИС-ЭВАНС: Спасибо. Да, вопрос услуг сохранения конфиденциальности/регистрации через доверенных лиц подчеркивает один из вопросов, который поднимали ранее, о том, что в рамках этих услуг не было единого способа запросить данные у поставщиков этих услуг. Наверное, это и сокращало объемы запросов в адрес таких поставщиков. По-моему, .BERLIN задавал вопрос о том, скажем так, что мы не наблюдаем большого количества запросов. И по-моему, именно поэтому RDS2 провели проверку и также фишинг... антифишинговая рабочая группа и M3AAWG провели проверку. Все они отмечали крайне низкий уровень знаний о том, как получить доступ. Я думаю, это маскирует множество

проблем, которые мы наблюдаем. То есть сейчас, на самом деле, я знаю, что мы, как сказал Ник, продвинулись довольно далеко с момента вступления в действие GDPR, но я не думаю, что мы уже наблюдаем все последствия введения временной спецификации для запросов и уровня запросов. Я думаю, любые цифры будут полезны, но не думаю, что все они точно окажутся актуальными.

И я думаю, как сказал Милтон, прежде всего именно создание этой политики позволит нам установить единую модель доступа, и именно надлежащее составление такой политики позволит нам, скажем так, установить действительно эффективную модель получения доступа к данным.

БРЮС ТОНКИН:

Хорошо. Сайрус из ICANN хотел бы прокомментировать, я так полагаю, реализацию политики конфиденциальности/регистрации через доверенных лиц.

САЙРУС НАМАЗИ (CYRUS NAMAZI):

Спасибо, Брюс. Меня зовут Сайрус Намази. Я член подразделения ICANN по глобальному управлению доменами. Я лишь хотел дать пояснения по работе над реализацией политики, которую мы проводим в GDD, и уточнить, что ничего мы не остановили. По-моему, Эшли об этом сказала, говоря про работу по конфиденциальности/регистрации через доверенных лиц. Я хочу уточнить, что, мне кажется, мы пришли к пониманию, что прямо сейчас нет достаточной ясности, чтобы заниматься

созданием эффективной правовой концепции, откровенно говоря, чтобы реально совершенствовать модель аккредитации так, как, по нашему мнению, будет наиболее эффективно и актуально. Из-за GDPR отсутствует ясность по поводу способов работы с некоторыми компонентами будущей модели аккредитации... которая не так уж сильно и отличается, откровенно говоря, от модели аккредитации регистраторов. И учитывая изменчивость ситуации и тот факт, что пока не улеглись страсти по поводу интерпретации некоторых косвенных указаний GDPR, мы фактически соизмеряем темпы работы по реализации со скоростью поступления новых фактов, которые следует учитывать, чтобы не тратить время на работу над какими-то вещами, которые вполне могут измениться уже в ближайшее время. Это, как я считаю, не сводится только к вопросу конфиденциальности/регистрации через доверенных лиц. С той же ситуацией мы столкнулись при реализации расширенного варианта записи данных WHOIS, который как раз находится на стадии реализации. Политику уже установили, на самом деле, ее уже ратифицировало Правление, довольно давно. И в этом конкретном случае фактор, который нас тормозит, скажем так, — это достижение согласия регистраторами и регистратурой о том, как им следует работать с соглашением, которое они между собой, регистратурой и регистраторами, будут заключать. Соглашение между регистратурами и регистраторами, RRA.

Есть и другие программы. У нас в организации вообще-то 13 программ, связанных с услугами в отношении

регистрационных данных, и влияние, в том или ином виде, на все эти программы неизбежно, по мере того, как мы лучше поймем GDPR, их последствия и, скажем так, как в будущем потребуются изменять работу над политикой и услуги, относящиеся к RDS.

БРЮС ТОНКИН:

Да, Сайрус, я считаю, что вы подчеркнули ту же самую мысль, которую я озвучивал ранее, о так называемом своевременном решении, ведь сейчас мы наблюдаем... в качестве примера возьмем расширенный вариант записи данных WHOIS... что разработка политики, по факту, прошла несколько лет назад. Наверное, пять лет назад. А может, и больше. Наверное... это могло произойти еще когда я был в Совете GNSO, я уже не помню. Но... у нас давно все это уже есть. По-моему, дело в том, что мир не стоит на месте. Понимаете, за последние годы законодательство в этой области изменилось очень разительно, и это заставляет пересмотреть определенные вещи. Но я полагаю, как сообщество и как организация, мы должны быстрее реагировать на прогресс. Мне эта задача понятна, особенно по поводу расширенного варианта записи данных WHOIS, сегодня, скажем так, актуальна ли его разработка, учитывая изменения в законах о защите конфиденциальной информации, в частности GDPR? И, понимаете, похоже, что усилия нужно направить на правильное проведение этого PDP и правильное составление требований, понимание, зачем мы собираем данные, правильное составление таких требований. Ведь многие

подобные вещи сделаны, скажем так, лишь кусками, а сейчас мы, по сути, возвращаемся к истокам, то есть пересматриваем причины, по которым мы собираем данные. И, конечно, когда я начал работать в ICANN, примерно в двухтысячных, WHOIS была сосредоточена на обеспечении конкуренции, на самом-то деле. Она была способом обеспечения бесперебойного переноса от одного регистратора, у которого в тот момент было наибольшее количество доменных имен, позволяла ему сделать эту информацию доступной другим регистраторам для упрощения переносов. Я говорю о том, что в контексте цели, такова цель была в 2000 году. И, знаете ли, я не думаю, что мы тогда собирались как сообщество и собирали предложения всех членов по поводу будущей цели.

Так что это должно стать основополагающим аспектом — надлежащее определение цели. А обсуждение конфиденциальности/регистрации через доверенных лиц — это обсуждение доступа. Обсуждение расширенного варианта записи данных WHOIS — это, на самом деле, обсуждение хранения данных. Благодаря существующим сегодня технологиям уже не нужно все хранить централизованно. С тем же успехом, как сказал Милтон, можно... у вас может быть страница WHOIS или страница запросов на сайте ICANN. Оттуда запрос может быть направлен соответствующему регистратору. Регистратор может применить местное законодательство, отвечая на этот вопрос, говоря простыми словами.

САЙРУС НАМАЗИ:

Спасибо, Брюс. Я думаю, вы подчеркнули еще один элемент такой изменяющейся среды. Как вам, скорее всего, известно, мы сейчас бьемся над реализацией RDAP, а это совершенно другая платформа, чем этот старый и несовременный протокол WHOIS. И это, на самом деле, вынуждает нас задавать вопросы, на которых вы заострили внимание. Например, где вы храните данные, как вы получаете к ним доступ? И я считаю, что посредством RDAP мы можем как раз перейти на, как я считаю, платформу 21 века, которую можно масштабировать, действительно изменять с учетом... динамически меняющегося ландшафта законов о защите конфиденциальной информации по всему миру, и которая позволит нам разработать такую систему и услуги регистрационных данных, которые как раз-таки будут развиваться с учетом перемены эпох.

БРЮС ТОНКИН:

Спасибо. И мы вернемся к номеру 1.

ФОЛЬКЕР ГРАЙМАНН (VOLKER GREIMANN):

Спасибо. Это Фолькер Граймманн из Key-Systems и Central NIC. Мне бы хотелось вернуться к... к уже звучавшим здесь вопросам, которые, по-моему, увели нас от главной темы, а именно к разнице между юридическими лицами и владельцами доменов-физическими лицами. Я считаю, что такое деление имеет право на существование. Временная спецификация вовсе не заходит слишком далеко в защите или своих положениях, как можно подумать из-за

фундаментального неправильного понимания того, что GDPR реально защищают. Они не защищают персональные данные как таковые. Они защищают персональные данные, которые могут входить в набор данных, предоставляемый юридическим... юридическим лицом. То есть, если регистрация принадлежит компании, и эта компания предоставляет персональные данные одного из сотрудников, будь то адрес электронной почты, номер телефона, как данные владельца домена, то это персональные данные. Но мы, как регистратор, не можем это определить. Мы не знаем, содержатся ли в регистрационных данных юридического лица конфиденциальные данные. Но эти конфиденциальные данные требуется защищать так же, как если бы речь шла о персональных регистрационных данных.

Поэтому разделение на регистрации, сделанные юридическими и физическими лицами, абсолютно бесполезно для определения необходимости в защите этих данных согласно временной спецификации. Спасибо.

БРЮС ТОНКИН: Спасибо, Фолькер. И номер 2.

ДИН МАРКС (DEAN MARKS): Здравствуйте. Дин Маркс из Коалиции за подотчетность в сети. Я хотел вернуться к тому, что сказала госпожа Монти из Комиссии, что GDPR опирается на правила, которые существуют уже давно. По крайней мере, если говорить о процессе разработки политики

конфиденциальности/регистрации через доверенных лиц, много лет назад такого вообще не существовало. Это все было оформлено в 2016 году, когда GDPR уже существовали. Было прекрасно известно о проблемах, связанных с законами о защите конфиденциальной информации, когда проводился тот PDP. Так что мне непонятно, зачем сейчас все поставили на паузу и ожидают ясности, если всем в этом зале и так понятно, что GDPR не отвечают на все вопросы. GDPR сами по себе не внесут ясность во все аспекты. И опять же, как сказала госпожа Монти, этот процесс с участием многих заинтересованных сторон — это прекрасный шанс найти баланс. Мы нашли баланс в рамках PDP для услуг обеспечения конфиденциальности/регистрации через доверенных лиц. Совет GNSO единогласно ратифицировал его. Правление ICANN единогласно ратифицировало его. Обеспечение этого баланса стало большим шагом вперед. Ну и когда вообще появится эта ясность, Сайрус? Я считаю, что, двигаясь вперед в вопросе услуг регистрации через доверенных лиц, сообщество многих заинтересованных сторон на самом деле как раз и будет способствовать обеспечению ясности. Так что я считаю, что корпорация ICANN оказывает медвежью услугу всему сообществу многих заинтересованных сторон.

БРЮС ТОНКИН:

Сайрус, не могли бы вы на примерах разъяснить, какие вы для себя видите препятствия к реализации. Будет лучше, наверное, если вы внесете конкретику...

САЙРУС НАМАЗИ:

Да. Большое спасибо. На самом деле, я покинул место руководителя, как раз чтобы не пришлось больше управлять обсуждениями дискуссионной группы, потому что я этого не хотел. Да, Дин, я понимаю, о чем вы говорите. Но, опять же, я хочу уточнить, мы не остановили работу по реализации политики, которой мы занимались вместе с вами и другими членами IRT. Это даже не вопрос, с моей точки зрения, с нашей точки зрения как корпорации, актуальна ли эта политика. Это не тот вопрос, в который мне следует углубляться. Это решать сообществу. Тут речь именно о нахождении надлежащей правовой концепции для реализации. Мы с этим столкнулись при работе с моими... провайдерами услуг временного депонирования данных и с соглашениями, которые у нас с ними есть. И сейчас в отношении этого вопроса у нас как-то нет уверенности по поводу этой концепции, правовой концепции, которая потребуется, чтобы это реализовать.

То есть речь не шла о релевантности всего этого. Думаю, существует реальная необходимость в услуге регистрации через доверенных лиц в мире после принятия GDPR, скажем так. Но, опять же, не корпорации решать.

БРЮС ТОНКИН:

Хорошо. Номер 3.

СЕБАСТЬЕН БАШОЛЕ:

Себастьян Башоле, я буду говорить по-французски. Вы подумаете: «Ну, как обычно».

Вопрос о разделении на физические... индивидов, физические лица, и на юридические лица.

Я им удивлен. Разумеется, есть разница. Как у человека, физического лица, у меня есть имя, адрес электронной почты. Если я должен предоставить информацию о себе, я их укажу. Но организация, бизнес, может опубликовать эту информацию. Это ее выбор. Мы должны защищать физическое лицо. А юридическое лицо может так организовать свою структуру, что не будет... публиковаться конфиденциальная информация. Мы все можем... мы хотя бы можем сами получать информацию. Для физического лица нормально получать информацию.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОКЛАДЧИК: Я согласен с Себастьяном. Можно прочитать текст закона. Вам это станет хорошо понятно. Текст не нужно интерпретировать.

БРЮС ТОНКИН: Да?

ПИТЕР КИМПЯН (PETER KIMPIAN): Доброе утро! Питер Кимпян от Совета Европы. Я буду очень краток.

Я только хотел бы сказать, что Комитет Совета Европы по защите данных только что принял руководство по вопросам ICANN и конфиденциальности, который был опубликован на

этой неделе. И я знаю, что мы концентрируемся на GDPR. Мы ожидаем мнения EPDP. Но в комитет Совета Европы по защите данных входят все члены Европейского Союза плюс страны-участники, такие стороны, как Российская Федерация, Турция, Мексика и страны Африки.

Поэтому для этого есть указания, и признаки, и общее понимание, и международные стандарты конфиденциальности, особенно когда речь заходит о последней теме, субъектах данных, а также другие определения и принципы. Большое спасибо.

БРЮС ТОНКИН:

Хорошо. Кто-то хочет это прокомментировать? Нет? Хорошо.

Хорошо. Есть еще вопросы из аудитории? Нет?

Еще вопрос, который у меня был, я думаю, мы уже его в какой-то мере затрагивали, но как мы можем обеспечить соответствие решения другим законам о защите конфиденциальной информации? По-моему, этот вопрос звучал в нескольких других формах. Так что, наверное, мы его затрагивали.

Кроме этого, если вернуться назад, я услышал отрывки обсуждений и комментарии из зала, я знаю, Милтон, вы говорите, что были примеры, как мы с легкостью можем отвлекаться от главной темы.

Дискуссионная группа хотела бы озвучить еще комментарии о том, что мы могли бы сделать, скажем так, для нахождения

своевременного решения? Как сообщество может содействовать процессу разработки политики? Что мы можем сделать, чтобы он был эффективным?

Флип.

ФЛИП ПЕТИЙОН:

Повысить осведомленность. Думаю, это обсуждение отчетливо показало, что люди с данными, которые делятся этими данными, явно помогают этому обсуждению двигаться вперед.

Это помогает людям стать более осведомленными.

Вчера мы провели совещание, на котором присутствовал Йоран. И он сказал интересную вещь. Он сказал: «Жаль, что мы раньше этим не занялись», и это настолько точно. Но факт остается фактом. Так что придется смириться.

Но я тогда... я тогда задумался о будущем. И я бы хотел заронить эту мысль в ваше сознание. Я хочу думать в том же направлении, что и он.

И мне стало интересно, что мы сейчас упускаем, что коснется нас в ближайшее время и связано с доступом.

Предположим, у нас есть доступ, и мы решили проблемы с доступом. Что это будет значить для ICANN как для организации? Значит ли это, что в будущем на нее ляжет больше ответственности?

Понимаете, 20 лет у нас была очень успешная система UDRP. Она помогает правообладателям IP. В частности, владельцам товарных знаков. Это одно решение конкретной проблемы.

Мне интересно, есть ли другие проблемы, которые нам следует рассмотреть, и для решения которых нам придется найти похожие подходы в будущем?

Например, реальную обеспокоенность вызывает причинение вреда потребителям, людям, детям.

Это лишь пример, но это важный пример.

Честно говоря, я бы лучше сегодня получал чуть больше спама, зная, что так нам проще бороться с нарушениями и вредом, до тех пор, пока не завершится EPDP.

БРЮС ТОНКИН:

Хорошо. Другие сообщества?

Эшли, затем Кристина.

ЭШЛИ ХАЙНЕМАН:

Спасибо. Я представляю GAC. Мне кажется, этот разговор о том, чтобы не отвлекаться, мне кажется... да, конечно, есть области, в которых мы можем не отвлекаться, чтобы более своевременно делать свою работу.

Но при этом... в частности, так как эта дискуссионная группа не ограничивается только EPDP, я считаю, как GAC, мы очень

поддерживаем обсуждение единой модели доступа, инициированное ICANN.

И мы очень признательны за то, что это было сделано, во многом потому, что это позволяет нам начать свои размышления над этим. У нас для этого появилась концепция. А также у нас появилась возможность начать формулировать важные вопросы и получать на них ответы.

Этим я не хочу сказать, что мы приступаем к технической разработке или чему-то подобному. Но в свое время мы приступим.

И все же, такие вопросы, как, например, Йоран задал Европейскому совету по защите данных, я считаю, позволят нам лучше оформить свои мысли и мнения по мере продвижения вперед. Я повторю, мне кажется неразумным считать обсуждение единой модели доступа каким-то отвлекающим фактором. Это, я считаю, эффективный способ начать обсуждение другой трудоемкой проблемы, с которой нам предстоит работать. Спасибо.

БРЮС ТОНКИН: Кристина, затем Грег.

КРИСТИНА МОНТИ: Совсем кратко: я только хотела от себя подчеркнуть, что самое важное условие движения вперед — это ясность, четкое соглашение и прозрачность по поводу различных

операций обработки, в которых задействована система WHOIS, и их целей. Именно это и есть фундамент.

Как только мы придем к соглашению по поводу разных операций обработки, станет намного проще решать остальные проблемы. Я предлагаю не смешивать эти различные операции обработки. Так как к ним может быть применима разная правовая база. Так что я считаю, что подобная ясность действительно поможет нам двигаться в правильном направлении.

Таково мое предложение.

БРЮС ТОНКИН:

Спасибо. Грег.

ГРЕГ ААРОН:

Важно подумать о будущем с точки зрения нынешней ситуации, потому что в прошлом мы не продумывали все достаточно далеко. Поэтому важно смотреть вперед.

Группа EPDP упорно работает над решением крайне сложных и многокомпонентных вопросов. Сейчас, наверное, самое время, чтобы GNSO и организация в целом подумали о том, что будет происходить в 2019 году.

Эта группа будет двигаться максимально быстро. Но временная спецификация в какой-то момент перестанет действовать, и эта группа работает очень усердно. Тогда мы

поймем, какой объем своей работы ей удалось выполнить, но они могут не справиться со всем запланированным объемом.

Так что, вместо того чтобы это нас застало врасплох, давайте обеспечим продолжение работы и предоставим людям, которые ей занимаются, все ресурсы для ее выполнения.

БРЮС ТОНКИН: Хадия.

ХАДИЯ ЭЛЬ-МИНЬЯВИ: Как член ALAC скажу, что наши основные опасения и основные интересы состоят в том, чтобы интернет стал и всегда был безопасен для каждого. По сути, выявление и предотвращение мошенничества или злоупотребления DNS... ведь злоупотребление DNS — это проблема, которой мы уделяем огромное внимание.

При этом я еще раз повторю, что очень важно сейчас взглянуть на... взглянуть на отраслевые стандартизованные процессы и службы аккредитации.

Так как если мы закончим работу над политикой, но этих вещей у нас не будет, то сколько нам придется ждать, пока у нас появится что-то действительно реализуемое и практически применимое? Спасибо.

БРЮС ТОНКИН: Хорошо. По-моему, из зала поступил вопрос. Номер 1.

РУДИ ДЭНИЭЛ (RUDY DANIEL): Руди Дэниэл. Стипендиат программы Fellowship от Карибского региона на ICANN63. Общий вопрос: GDPR: На самом деле дали ли они полномочия ICANN и сообществу наводить у себя порядок с точки зрения WHOIS, то есть определять элементы данных, последующий доступ и методологию доступа с учетом применимого законодательства и будущих нововведений, особенно по мере все более широкого перехода на v6?

БРЮС ТОНКИН:

Кто-то хочет это прокомментировать или ответить на это?

Милтон.

Спасибо вам, как стипендиату, что вы встали и задали этот вопрос. Это принято во внимание.

МИЛТОН МЮЛЛЕР:

Мой ответ — да. Определенно GDPR вынудили ICANN навести у себя порядок. Я думаю, Грег что-то сказал о том, что мы не смотрели в будущее и не ожидали, что такое случится. Некоторые из нас твердили ICANN 15 лет подряд, что WHOIS была незаконна с точки зрения законов о защите данных. А они просто... дело не в том, что они об этом не знали. Дело в том, что им сходило с рук невнимание к таким предостережениям.

Так что это больше политический вопрос, а не вопрос недосмотра. И штрафы, предусматриваемые GDPR, эффективно вынудили нас пересмотреть все целиком.

Подводя итог с точки зрения движения вперед, я абсолютно согласен с госпожой Монти, что первоочередная наша задача — это определить цели и параметры сбора данных, необходимые для выполнения этих целей. Затем мы определим, какой элемент этих данных будет открыто отображаться в WHOIS, а какие не будут, то есть будут обезличиваться. Затем мы сможем заняться доступом.

Дело скорее не в том, что попытка Йорана и генерального директора обсуждать правомерный доступ в контексте единой модели доступа — это отвлекающий фактор, скорее она преждевременна. И мы действительно можем... нам, по сути, неизвестно, что будет делать эта модель, пока мы не выполним первую задачу.

Поэтому главная причина, почему я поставил под вопрос обсуждение единой модели доступа, — это потому, что, как я считаю, это внушает многим людям надежду, что каким-то образом такая модель доступа воссоздаст старую WHOIS, если они пройдут аккредитацию. Я думаю, что это отвлекающий фактор в том смысле, что это не дает людям сосредоточиться на том, что мы действительно должны сделать с WHOIS, как она есть сейчас, вместо того, чтобы, допустим, думать, ой, как же мне получить доступ и не беспокоиться, как нам поступить с WHOIS.

РУДИ ДЭНИЭЛ: Я хотел бы узнать, единая модель доступа — это решение на скорую руку?

МИЛТОН МЮЛЛЕР: Это не может быть решением на скорую руку. Она невероятно сложная. Сложная юридически. Сложная технически. Сложная политически.

Поэтому нет, я считаю это основным подтверждением важности этого обсуждения — то, что это не будет решением на скорую руку. Это будет сложным решением.

Надо отдать должное Йорану, он пытается уже сейчас начать такие обсуждения. Но при этом он, скажем так, задает обсуждению такое направление, которое не обязательно окажется правильным. Поэтому нам просто нужно отойти от вопроса доступа, пока мы не выполним первую задачу, и сделать это, опять же, нужно быстро. Думаю, нам не составит труда решить первую проблему.

ХАДИЯ ЭЛЬ-МИНЬЯВИ: Короче говоря, мы не знаем, на скорую руку это решение или нет, потому что мы сейчас не обсуждаем доступ и не будем его обсуждать, пока не ответим на уточняющие вопросы. Спасибо.

БРЮС ТОНКИН: Хорошо. Я думаю, что на этом следует остановиться. Я хотел бы поблагодарить дискуссионную группу. И я считаю, что на

начальном этапе заседания мы провели очень конструктивное обсуждение, так как, по сути, участники поняли друг друга, задавали дополнительные вопросы вначале обсуждения. Эшли бросилась с места в карьер, сказав про достижение быстрого результата, и тут, я думаю, мы все должны быстро понять, в чем заключаются проблемы, и тогда мы сможем их решить. Это шаг в правильном направлении.

Думаю, мы слышали, что возврата к старой WHOIS не будет. Эта концепция почти не встретила поддержки. Я считаю, что мысль о том, что нужно найти баланс между защитой субъектов данных и предоставлением доступа правомочным пользователям, я так считаю, встретила очень активную поддержку, также обеспечив баланс, я считаю, между залом и дискуссионной группой.

Так что я благодарю всех вас за то, что пришли, и с нетерпением жду успешного завершения PDP.

[Аплодисменты]

[КОНЕЦ СТЕНОГРАММЫ]